

К.В.СЫЧЕВ

**Судьба
Брянского
княжества**

**Роман
молодой**

т о м 4

Судьба Брянского княжества

Сычев К. В.

Роман Молодой

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сычев К. В.

Роман Молодой / Сычев К. В. — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Судьба Брянского княжества)

Четвертый исторический роман из серии «Судьба Брянского княжества» повествует о событиях из истории Средневековой Руси, связанных с жизнью и деятельностью князя Романа Михайловича Молодого (1330–1401), его управлением Брянским княжеством (1357–1363), службой великим московским князьям (1363–1392) и великому литовскому князю Витовту (1392–1401). Брянское княжество в это время приходит в упадок и со смертью Романа Молодого прекращает свое существование, войдя в состав Великого княжества Литовского, как отдаленная пограничная провинция. По-новому, сквозь призму фактов, исторических документов и исследований ученых-историков, автор описывает важнейшие битвы, в том числе под Шишевским лесом (1365), принесшую первую победу русским воинам над большим татарским войском, умышленно «забытую» апологетами московских князей, не желавших славить победителя — великого рязанского князя Олега Ивановича. Автор отказался от традиционного восхваления курса великих московских князей и рассматривает события с учетом общечеловеческих ценностей.

© Сычев К. В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Книга 1	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	34
ГЛАВА 8	39
ГЛАВА 9	45
ГЛАВА 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**К. В. Сычев
РОМАН МОЛОДОЙ
Том четвертый**

*Моей матери, Сычевой Лидии Болеславовне,
самой верной поклоннице моего творчества,
посвящается*

Книга 1

БОРЬБА ЗА БРЯНСК

ГЛАВА 1

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ

Поздней осенью 1352 года Брянск гудел как растревоженный улей. Казалось, что город, наполовину вымерший от чумы, внезапно проснулся от страшного сна: в Покровской церкви венчали на княжение нового князя – Василия Ивановича Смоленского! Венчали поспешно, словно надеялись, что с новым князем в городе установятся мир и покой, навеки отступит от славной брянской земли страшная болезнь. Василий Иванович проявил большое мужество, выехав в чумной город сразу же после получения известия о смерти князя Дмитрия Красивого. Он не долго думал и беспрекословно повиновался воле своего престарелого отца, великого смоленского князя Ивана Александровича. Последний, приняв делегацию брянских бояр и выслушав их просьбу – назначить в Брянск одного из сыновей – немедленно послал за младшим, тридцативосьмилетним сыном Василием. – Надо ехать в Брянск, сын мой, – сказал князь-отец. – У тебя нет времени на раздумья: богатый город может попасть в руки наших недругов!

Василий Иванович склонил в знак согласия голову и на следующий день уехал в Брянск вместе с брянскими боярами, возглавляемыми Кручиной Мирковичем.

Добрая воля смоленского князя, приехавшего в поникший от горя чумной город с семьей – женой и двадцатилетним сыном – нашла понимание у брянских бояр и простонародья. – Ты – очень смел, пресветлый князь, и совсем не испугался грозной болезни! – сказал боярин Коротя Славкович, державший хлеб-соль у крепостных ворот при торжественной встрече. – Мы рады, что у нас будет столь достойный правитель!

– Чему быть, того не миновать! – ответил тогда на это новый брянский князь. – Один только Бог знает, быть ли счастью, или познать смерть!

Новый брянский и черниговский епископ Нафанаил, опираясь на волю бояр и богатого купечества, не стал ждать, пока князь Василий съездит в Орду за ярлыком на брянское княжение и принял решение не откладывать венчание нового князя. – У нас достаточно серебра, – рассудил он, – чтобы угодить царю Джанибеку! А значит, никто не посмеет противиться нашей воле!

Седовласый владыка возглавил Брянскую епархию совершенно неожиданно. Его предшественник, епископ Иоанн, мужественно исполнявший свой долг и не боявшийся умереть от чумы, вдруг, после посещения едва ли не последних умиравших от страшной болезни горожан, занемог и скончался в одночасье.

К тому времени умерли все его сподвижники и ученики, в том числе и самые молодые. Чудом уцелел лишь один, уже пожилой, священник – архимандрит Петропавловского монастыря отец Прокопий. Последний не входил в число любимцев епископа Иоанна, поскольку очень осторожно относился к оценке событий в городе: не вмешивался в городскую жизнь, не поддерживал тех горожан, которые хулили знахарей-язычников и греховные привязанности князя, но занимался лишь делами церкви. Он ежедневно и подолгу проводил богослужения в Петровской церкви, горячо и искренне молился за здравие князя и горожан и почти не выходил из стен монастыря. Такая его позиция оказалась выигрышной: в городе не было никого, кто бы хоть в чем-то мог упрекнуть отца Прокопия. Даже некоторая отдаленность Петропавловского архимандрита от княжеского двора прибавляла ему славу «Божьего человека», для которого «все христиане равны»!

Что же касается владыки Иоанна, то он очень неохотно отдал свое епископское кресло человеку, избегавшему встреч с властью имущими. Лишь в самый последний момент, чувствуя приближавшуюся смерть и не желая оставаться без наследника, он вызвал к себе в скромную келью, где возлежал на горячечном одре, отца Прокопия.

– Надо, чтобы ты, премудрый старик, – сказал тогда, с трудом ворочая распухшим языком, умиравший, – взял в свои руки всю духовную власть в этой земле! Ты не любил ходить на княжеские советы и встречаться со знатными людьми! Однако не обессудь: некому беречь нашу паству... А теперь бери в свои руки все наши приходы и поезжай в Москву, к святителю... Вот здесь грамотка, написанная мной, – больной с трудом, тяжело дыша, извлек из под подушки перевязанный алоей нитью свиток пергамента. – Там все сказано о твоем назначении... И возьмешь в моей казне серебро: я обговорил это дело с казначеем...

Заметив протест отца Прокопия, выраженный покачиванием головы, владыка поднял вверх дрожавшую руку: – У тебя нет выхода, Прокопий, – неожиданно громко сказал он, – поскольку воля покойного идет от самого Господа!.. – Он не договорил и уронил руку на грудь.

– Славный отец! – упал на колени отец Прокопий. – Прости меня за слабость грешного отрицания! Твоя посмертная воля – закон для меня!

И он уже на следующий день выехал в Москву, где был без промедления утвержден на епископском соборе самим митрополитом Феогностом. Ни один из церковных иерархов не возразил против его назначения: несмотря на богатство Брянска, никто не претендовал на тамошнюю епархию. При рукоположении на епископство московский митрополит, по просьбе брянского претендента, присвоил ему новое имя – Нафанаил. Так, брянский епископ отблагодарил своего предшественника, взяв его первое имя и сохранив о нем добрую память.

Вернувшись в Брянск, епископ Нафанаил сразу же, ввиду отсутствия князя, собрал боярский совет и решительно поставил вопрос о новом князе.

Ряд бояр, самых старых и влиятельных, уцелевших во время чумы, возглавляемых братьями, седобородыми Кручиной и Борилем Мирковичами, без долгих слов предложили послать своих людей в Смоленск к великому князю Ивану.

– Нам нужен князь из славного рода! – сказал тогда Кручина Миркович. – И Смоленск всегда давал нам нужных правителей! Поэтому будем просить великого князя Ивана Александрыча, чтобы он приспал сюда одного из сыновей, Святослава или Василия!

Но с этим мнением не согласились братья-бояре Жирята и Сбыслав Михайловичи.

– Есть еще один славный князь – Роман Михалыч Молодой, – возразил на совете боярин Жирята. – Он – достойный наследник, потомок самого Романа Старого! Почему бы нам не возродить ту древнюю славу?!

– Неужели только на Смоленске замкнулся весь круг русских князей?! – поддержал его Сбыслав Михайлович. – Есть и другие законные наследники!

– Пусть же будет наследником Роман Молодой! – выкрикнул двоюродный брат Жиряты, боярин Супоня Борисович, брянский воевода. – Мы тогда получим поддержку от Литвы! Он же – друг самого великого князя Ольгерда, если не его пасынок!

– Это правильно! – буркнул его брат, боярин Воислав Борисович. – Нечего посыпать за смоленским князем!

– Это ошибка, брат! – встал вдруг со своей скамьи княжеский мечник Сотко Злоткович. – Я слышал древнее предание, что наш славный Брянск начался с Романа Михалыча и Романом Михалычем закончится! Значит, тогда не станет Брянского княжества и наступит наша погибель!

– Мы тоже слышали об этом! – разом закричали все остальные бояре, доселе молчавшие и ожидавшие чужого мнения.

– И это очень важно! – подвел итог общему мнению боярин Коротя Славкович. – Нашей земле не нужны ни беды, ни бусурманский разгром! Тот Роман Михалыч скорей литовец, чем

русский! Возьмет и отдаст нашу землю злобному Ольгерду! Пусть же будет свой, смоленский князь!

И, несмотря на недовольство брянского воеводы и его брата, бояре поддержали первое предложение.

Епископ Нафанаил и здесь проявил свою сдержанность и дипломатический дар. Лишь только тогда, когда мнение большинства утвердилось, он поддержал общее решение и предложил кандидатов на поездку в Смоленск. Так князь Василий Иванович оказался в Брянске.

Венчание состоялось в Покровской церкви. Князь Василий стоял рядом со своей супругой – красавицей Ольгой – у алтаря, окруженный брянскими боярами и своими лучшими дружинниками. Ни купцов, ни прочих богатых горожан не пригласили, помня о трагических событиях в церкви Горного Николы почти двенадцать лет назад.

Владыка самолично надел на головы князя и княгини золотые венцы, оставшиеся от прежних князей, благословил их на княжение и произнес здравицу.

– Господи, помилуй! – троекратно пропели сверху, с хоров. И сразу же после этого новоиспеченный князь с женой, одетые в сверкающие золотом одежды, под громкие церковные песнопения вышли, взявшись под руки, во двор, окруженные боярами, и направились в княжеский терем. Там, в пиршественной зале, уже стояли большие столы, уставленные всевозможными яствами и напитками.

Только теперь, возглавив княжеский стол, Василий Иванович почувствовал себя не просто удельным князем, но князем богатой и сильной земли. Слушая славословия брянских бояр, только что венчанный князь улыбался и кивал им головой. – Надо поддержать всех этих добрых бояр, – подумал он, – и сохранить старый порядок!

К вечеру, после того как все досыта наелись, выпили изрядное количество хмельных медов, греческих вин и пенного пива, князь Василий дал знак рукой о завершении пира и оставил за столом лишь своего сына, владыку Нафанаила и бояр. Княгиня ушла в свой терем, старшие дружины и трое священников тоже удалились, и князь завел с оставшимися неторопливый разговор.

– Наступили тяжелые времена, – сказал он, – и нужно обсудить последние новости. Может, надумаем что-нибудь полезное...

– Это так, княже, – кивнул головой епископ Нафанаил, сидевший в самом начале скамьи, рядом с опустевшим креслом княгини, – время сейчас непростое! Ужасная болезнь, поразившая наши города, унесла множество жизней! Как там у вас в Смоленске, удалось пережить эту беду?

– Какое там! – поморщился князь Василий, блеснув своими большими голубыми глазами. Его длинные льняные волосы, казалось, топорщились из-под княжеской шапки. – После примирения с Москвой у нас начался такой мор, что полегла добрая половина горожан!

– Значит, вы помирились с Москвой? – улыбнулся владыка. – Давно пора!

– У батюшки не было другого выхода, – сказал князь Василий, – и он не хотел воевать с москвичами. А вот теперь ухудшились его отношения с Литвой. Но что было делать? Мы просили у Литвы помочь на случай войны с Москвой, однако ничего не добились. Мало того, когда Семен Московский пошел на Смоленск и стоял у Вышеграда на Поротве, литовцы прислали к нему своих людей с предложением мира и подарками! Семен же, помирившись с ними, отправился на Югру, чтобы потом идти на Смоленск. Тогда мой батюшка, пытаясь отвести от Смоленска беду, послал к Семену своих людей с челобитьем. Слава Господу, что добрый князь Семен не захотел вражды с нами и радушно принял наших послов с подарками. А потом в Смоленск приехали московские послы и заключили с нами мир... А когда они уехали, началось страшное поветрие...

– Это хорошо, сын мой, – весело промолвил епископ. – С Москвой надо дружить! Там сейчас живет сам святитель! И Москва очень сильна! К сожалению, наши брянские князья не

любили Москву... Но от этого не было пользы ни Брянску, ни Москве, ни остальным русским землям! Подумай об этом, сын мой, и не ссорься с Москвой!

– Зачем мне ссориться? – поднял голову брянский князь. – Я знаю о силе Москвы. К тому же, и мой батюшка сейчас с ней в дружбе... И мы будем дружить. Пусть ищут себе врагов только глупцы!

– Ты прав, сын мой, – кивнул головой владыка. – Вот тебе пример неправедности. Князь Михаил Тверской недавно женился на дочери Константина Василича Нижегородского и заключил с ним союз против Москвы! А сын того князя Константина посватался к дочери самого Ольгерда Литовского! Все этого ни к чему хорошему не приведет! Кроме того, ордынский царь удовлетворил просьбу тверского князя – освободить его от московской зависимости – и прислал в Тверь своего знатного человека, мурзу Ахмата, с ярлыком на великое тверское княжение! А это значит, что следует ждать беды!

– Я вижу, святой отец, – сказал князь Василий, – что нам надо уклониться от связей с теми князьями и не раздражать Москву. А после зимы я сам поеду в Орду к царю Джанибеку за грамоткой... А пока нужно показать Москве наши добрые намерения. В ближайшие дни я пошлю своих людей к Семену Московскому с подарками и добрыми словами. Я верю в дружбу с московским князем!

ГЛАВА 2 СОВЕЩАНИЕ В ВИЛЬНО

Князь Роман Молодой сидел на длинной скамье в окружении литовской знати – сыновей и родичей великого литовского князя Ольгерда, их приближенных («бояр», как называли таких сановников на Руси) и богатых купцов.

В велиkokняжеском дворце проходило совещание, связанное с чрезвычайными событиями, случившимися на Руси.

Князь Роман Михайлович, вызванный в Вильно из далекого городка карачевской земли Коршева особым, скорым гонцом, был сильно озадачен, когда нарушилась его тихая и спокойная жизнь вдали от «мира».

– Зачем я понадобился славному Альгирдасу? – тщетно спрашивал он запыленного, устального гонца. – Неужели случилась беда?

– Я ничего не знаю, – отвечал посынец. – Государь мне только приказал, чтобы я вызвал тебя…

Пришлось уже на следующий день выезжать в Литву вместе с литовским гонцом и десятком вооруженных воинов, лучших княжеских дружиинников.

Супруга князя Романа – Мария Титовна – тоже встревожилась. Она только что родила своему супругу дочь, названную Еленой, и рассчитывала на благополучную, безмятежную жизнь. Помимо новорожденной, у нее было еще двое детей: четырехлетний сын Дмитрий и двухлетняя дочь Авдотья.

Роман Михайлович буквально боготворил супругу: прошло вот уже почти шесть лет после их свадьбы, а они жили, как молодожены, не расставаясь ни на один день. Молодой князь лишь только отъезжал в определенные дни со своими дружиинниками в лес – на охоту. Несмотря на то, что небольшой городок, отданный князем Титом Мстиславовичем в приданое своей дочери, не приносил значительных доходов, все-таки жизнь здесь была безбедная. Что с того, что у князя Романа не было такого множества слуг, как у удельных князей и его тестя? Мало слуг – мало расходов. Да и нужны ли многочисленные слуги? Выполнять обязанности охотников вполне могли и княжеские дружиинники. Пусть и было их всего пять десятков, но они прекрасноправлялись со многими обязанностями в княжеском доме.

Конечно, защитить городок Коршев от большого войска они бы не смогли, но у князя Романа не было опасных врагов, а при возможном нападении «лихого люда» сгодились бы и свои воины, подкрепленные небольшим городским ополчением. Но пока Коршеву, окруженному густыми лиственными лесами, стоявшему на берегу реки Сосны, среди ручьев и болот, никто не угрожал. Бедность и малочисленность дружины несколько удручали князя Романа, но его супруга это только радовало.

– Из-за этого у нас нет завистников, – говорила она с веселой улыбкой мужу, – и никто не зовет тебя на жестокую войну! Вот мы и живем в радости и счастье!

– Оно-то так, супруженька, – отвечал на это князь Роман, – но князю не пристало сидеть без славных боевых дел... Так сам Господь обустроил наш мир: смерду суждена судьба смерда, а князю – княжеская! И мое дело – война!

Эти слова княгиня Мария вспомнила сразу же, как только в их небольшой терем вошел литовский посланник.

– Вот тебе и покой! – сказала она себе, но при прощании держала себя в руках: не пролила ни слезинки! Была наигранно весела и старалась ничем не огорчить своего отъезжающего на чужбину супруга.

– Береги себя, Роман, и знай, что здесь, в нашем скромном городке, тебя ждут любящие родные люди, – молвила она на прощание. – Скорей возвращайся и порадуй мое сердце!

— Я скоро вернусь, моя дивная лада! — ответил на это Роман Михайлович, обнимая ее и целуя. — Неужели ты думаешь, что я смогу долго прожить без тебя?

За спиной княгини стояли дородные, розовощекие мамки. Двое из них держали в руках по дочери князя, а за руку третьей ухватился маленький мальчик — княжич Дмитрий — во все глаза смотревший на своего окольчуженного, сверкающего чищеным железом рослого отца.

Князь Роман махнул им рукой, вскочил на коня, и маленький отряд быстро исчез из виду под громкие крики горожан, славивших своего господина.

Прибыв в Вильно, Роман Михайлович немедленно отправился во дворец в надежде повидать самого великого князя. Но дворецкий Ольгерда сказал ему, что «славный король нынче отдыхает и поэтому нечего его беспокоить: завтра на совете узнаешь все новости...»

Не сказали ничего по сути дела и встретившиеся русскому князю старшие сыновья Ольгерда — князья Андрей и Дмитрий.

— Батюшка вызвал сюда всю нашу знать, — молвил немногословный, мрачный князь Андрей, — но мы не знаем, почему он пригласил тебя!

— Видимо, хочет послать тебя на войну, — усмехнулся Дмитрий Ольгердович, — чтобы твоя кровушка не застоялась в жилах. Великий князь сам любит войну! Пойдем-ка, брат, отведаем доброго меда!

Роман Михайлович разделил трапезу с литовскими князьями в гостевом тереме великого князя, сытно пообедал, но выпил совсем мало: без того устал с дальней дороги. Князей Андрея и Дмитрия он знал еще с детства. Они ненамного были старше его: князь Андрей где-то года на три, а Дмитрий всего на год. Но, несмотря на незначительную разницу в возрасте, братья-князья сильно отличались друг от друга. Старший — Андрей — был немного выше ростом, поуже в плечах, быстрей в движениях. Он совсем немного уступал ростом Роману Молодому. Князь же Дмитрий был почти на голову ниже русского князя, однако имел более широкие плечи, чем у его старшего брата, и по силе ничем не уступал с виду Роману Михайловичу. Дмитрий Ольгердович был веселым и общительным, любил поговорить с другими князьями и во время обеда все что-то бормотал, выводя, порой, из задумчивости князя Романа.

Андрей же Ольгердович, сидя за трапезой, лишь один раз выжал из себя скучные слова, отвечая на здравицу в честь отца. Его сурое, желтоватого цвета лицо оживало лишь при упоминании битв и воинских подвигов. Только цветом серо-свинцовых глаз и темных волос, а также какими-то неуловимыми чертами лица братья походили друг на друга.

На следующий день, прибыв в терем великого князя, Роман Молодой вновь встретился со старшими сыновьями Ольгерда Гедиминовича и даже уселся между ними на скамью в первом ряду совещательной залы.

Великий литовский князь Ольгерд вошел в залу и занял свое золоченое кресло, стоявшее перед скамьями его подданных.

При его появлении все сидевшие встали и поклонились, не сгибая спины. Уже расположившийся в кресле Ольгерд Гедиминович небрежно кивнул им головой и, не отвлекаясь на созерцание присутствовавших, сразу же приступил к делу.

— Привет моим братьям, сыновьям и прочим знатным людям! — сказал он своим громким, властным голосом. — Я собрал вас здесь в связи с неотложными делами и важными событиями!

И он стал подробно рассказывать о затруднениях казны, о плохом и нерегулярном поступлении денег и товаров с провинций, об угрозе голода, ввиду плохого урожая прошлого года, об опасных делах крестоносного немецкого рыцарства.

Все это князь Роман уже слышал от других литовских князей, и поэтому он никак не мог понять, в связи с чем его вызвал в свою столицу великий князь Ольгерд. Глядя на одетого в расшитый золотом красный кафтан и красивые, с золотыми полосками, штаны великого князя, Роман Молодой постепенно успокаивался и чувствовал себя в состоянии, близком ко сну. Однако он не закрывал глаз и с любовью взирал на своего высокого покровителя. Оль-

герд Гедиминович, произнося речь, смотрел как бы над толпой, его глаза, серые и задумчивые, словно витали где-то высоко, и, казалось, он отрещился от всего, не связанного с его настоящей речью. Но вот он перешел к событиям, произошедшим в соседних русских княжествах, и его глаза сразу же оживились, засверкали. – К нам пришло немало новостей от наших соседей, – сказал он, – и новостей весьма тревожных! На Руси свирепствует заразное поветрие! Это – страшная беда! У нас ведь тоже еще раньше побывала «черная смерть», но такого урона, как это случилось на Руси, мы не имели. У нас полегли только дряхлые старики и хилые младенцы... Нам повезло, что был неплохой урожай... Поэтому сытые люди, как знать, так и чернь, почти не пострадали...

Далее он рассказал об усилении Московского княжества, о том, как Симеон Гордый сумел без войны навязать великому смоленскому князю Ивану мир и тем самым ослабить влияние Литвы на Смоленское княжество. Но он особенно подчеркнул, как большую неудачу в своей внешней политике, улучшение отношений Брянского княжества с Москвой.

– Раньше москалы враждовали с Брянском, – отметил он, – и мы знали, что всегда будем иметь надежного союзника против Москвы в лице брянского князя. А теперь не успел новый князь Василий войти в Брянск, как сразу же послал своих людей к Семену, предлагая москалям не только мир, но даже союз!

– Неужели это так?! – вскрикнул сидевший на краю первой же скамьи брат великого князя Кейстут Гедиминович. – Мы упустили Брянск! Почему же мы не послали туда своего человека??!

– Так получилось! – поморщился, недовольный тем, что его перебили, великий князь. – Мы совсем не ожидали такой прыти от Ивана Смоленского! Еще не остыло тело нашего друга Дмитрия Красивого, а там уже уселся этот хитрец Василий!

– Кто же сообщил старому Ивану о смерти Дмитрия? – вновь вскричал раздраженный князь Кейстут. – Может, сами брянцы послали за тем Василием??!

– Не спеши, брат, – поднял руку Ольгерд Литовский, – и не мешай мне говорить! Там, в Брянске, случилась еще одна беда. Вслед за князем Дмитрием умер их владыка Иван. А митрополит Феогност, сидящий в Москве, воспользовался этим, и быстро утвердил на брянское епископство своего человека! А новый епископ сразу же подучил брянских бояр, чтобы они пригласили на княжение союзного Москве смоленского ставленника! Вот бояре и поехали за князем Василием в Смоленск...

– Тогда понятно, – кивнул головой Кейстут, – что это все – козни Москвы! Я тебе говорил, что нам следовало хорошо подумать о своих православных христианах и заполучить своего митрополита, покорного Литве... А наш митрополит тогда назначил бы епископа в Брянск...

– Я предпринял в этом направлении определенные шаги, – усмехнулся князь Ольгерд, и его золотая корона, венчавшая голову, блеснула драгоценными камнями. – У нас уже есть нужный человек, тверской монах Роман, сын тамошнего боярина. Он сам напросился в митрополиты нашей славной литовской земли и готов поехать в Царьград за высоким саном!

И великий литовский князь стал рассказывать о том, что «в Царыграде нынче произошли беспорядки», что законный царь Иоанн был изгнан своим тестем, который и стал править Византийской Империей. – А теперь, – подвел итог тем событиям Ольгерд Гедиминович, – у греков – полная сумятица и беззаконие, а все дела решаются только с помощью денег! Поэтому мы дадим нашему Роману достаточно серебра, чтобы он подкупил всех знатных греков и корыстного патриарха! Пусть же этот Роман станет митрополитом и будет достойным противовесом православной Москве! А потом подумаем и о брянском епископе!

– А как быть с брянским князем? – вновь нарушил рассуждения своего брата князь Кейстут.

– С князем Василием? – вскинул брови Ольгерд Гедиминович. – У нас есть для Брянска свой, законный князь! – Он бросил взгляд на Романа Молодого. Тот встрепенулся. Великий

князь, встретившись с ним глазами, неожиданно как бы потеплел и заулыбался. В свою очередь, Роман Михайлович тоже улыбнулся и почувствовал себя не гостем, но сыном великого литовского князя. Как бы отвечая на его мысли, князь Ольгерд после минутной паузы сказал, вытянув перед собой правую руку и указав ею на князя Романа: – Вот перед вами мой приемный сын Роман! С таким же именем, как у того тверского попа! Вот с этими Романами, мои братья и друзья, мы нанесем достойный удар по той злокозненной Москве и, без сомнения, овладеем Брянском!

– Слава моему мудрому брату! Слава великому князю и русскому королю! – громко закричал, вскочив со скамьи, князь Кейстут.

– Слава великому князю Альгирдасу!!! – заорали едва не хором вставшие со скамей знатные литовцы.

– Слава! – кричал, не помня себя, растроганный вниманием великого князя, Роман Молодой. – Долгих лет моему названному отцу! Здоровья и славы!

Когда все успокоились и сели, великий князь, заметно повеселевший, поднял руку и вновь заговорил. Он подробно остановился на военных делах, опять вернулся к денежным трудностям и предложил своим магнатам сделать все возможное, чтобы выплатить в казну необходимые деньги с мест, а в случае неудачи в этом деле, посоветовал им самим из собственных доходов покрыть недоимки. Все сидевшие в зале внимательно слушали своего повелителя, и, казалось, в Великом княжестве Литовском царят мир и согласие.

Наконец, завершая свою речь, Ольгерд Гедиминович сказал: – Ну, а теперь, мои верные люди, немного отдохните, и через час прошу вас прийти к моему пиршественному столу, на обильную трапезу! Мы и там поговорим, во время славного пира. А пока все могут быть свободны, останься лишь ты, мой сын Роман. Я хочу с тобой побеседовать. Приходи в мою малую светлицу. Эй, Гембутас! – Он взмахнул рукой. Откуда-то из зала выбежал его дворецкий. – Проводи же моего сына Романа в тайную светлицу!

Сказав это, великий князь встал и быстро удалился в проем бесшумно раскрывшейся перед ним двери.

Князь Роман, сопровождаемый верным слугой великого князя, без задержки проследовал по длинному темному коридору, по шуршавшим под ногами персидским коврам. Наконец, где-то в середине коридора, дворецкий открыл тяжелую дубовую дверь, и в глаза князя Романа, привыкшие к темноте, ударили яркий свет многих свечей, горевших в великолукской светлице. Русский князь переступил порог, и слуга удалился, плотно закрыв за ним дверь.

В небольшой комнате за белым, выточенным из слоновой кости столиком, сидел в мягком кресле великий князь Ольгерд. Напротив него, через тот же столик, стояло такое же пустое кресло. – Садись, сынок, – сказал великий князь, указывая ладонью правой руки на кресло. – Ты, наверное, удивлен, что я захотел с тобой поговорить?

– Да, удивлен, государь! – ответил с дрожью в голосе молодой князь Роман. – У тебя столько дел, а ты нашел для меня время!

– Здесь нет ничего удивительного, сын мой, – кивнул головой Ольгерд Гедиминович и откинулся на спинку кресла. – Я давно хотел с тобой встретиться... Ты не забыл о моем обещании сделать тебя брянским князем?

– Не забыл, великий князь! – сказал, успокоившись, Роман Молодой. Он огляделся. В светлице не было никакой мебели. На полу лежал мягкий ковер, а стены были обиты дорогой византийской тканью с вышитыми на ней волшебными птицами. На стенах, ближе к потолку, висели большие серебряные подсвечники, из которых торчали толстые горящие восковые свечи. На потолке ничего, кроме такой же зеленой, как и на стенах ткани, не было. Потолок был невысокий, и молодой князь едва не достал до него головой, когда входил в светлицу. Неподалеку от резного столика в большом глубоком камине ярко горели дрова. Над камином возвышались образцы дорогого чужеземного оружия: огромный, овальный византийский щит,

а под ним – скрещенные арабские мечи со сверкающими драгоценными камнями рукоятками. Небольшие прорезанные под потолком окна не оправдывали названия комнаты, испуская через толстые греческие стекла тусклый свет и, если бы не многочисленные свечи, здесь бы царил полумрак.

Великий князь был одет в простой татарский халат желтого цвета, а на ногах у него были легкие, такого же цвета, с загнутыми носками, туфли.

– Как быстро его переодели! – подумал князь Роман. – Значит, государь спешил на эту беседу...

– Ну, если не забыл, – улыбнулся, нарушив установившуюся тишину, великий князь Ольгерд, – тогда сразу же перейдем к делу! Ты слышал мои слова о брянских событиях? – Он поморщился. – И понял, зачем ты мне понадобился?

– Слышал, государь, – ответил князь Роман, – и понял, что ты решил прогнать того князя Василия из Брянска, а на его место посадить меня!

– Именно так, сын мой, – весело сказал великий князь, довольный хорошим литовским языком собеседника, – ладно, что ты не забыл нашу славную речь... – Он тут же нахмурился. – Настало время, сын мой, чтобы воплотить мои слова в дела. Ты прав, я в самом деле хочу прогнать того хитреца Василия с брянского «стола»! Этот Василий не имеет законных прав на Брянск. Богатый брянский удел должен принадлежать тебе, мой названный сын!

– Значит, мы будем воевать, батюшка? – спросил, дождавшись паузы, князь Роман. – И прямо сейчас?

– А ты готов к боевому походу? – улыбнулся великий князь. – Неужели не терпится?

– Как прикажешь, государь, – покорно молвил князь Роман, – а у меня достаточно терпения...

– Тогда хорошо, сын мой, – покачал своей седеющей головой Ольгерд Гедиминович. – Возможно это будет уже в конце лета... В московской земле начинаются беспорядки. Ранней весной умер их главный поп Феогност, а спустя немного времени почил и молодой князь Семен Гордый! А вслед за ними, шестого июня, тихо скончался и его брат Андрей! О смерти последнего я узнал от гонца только сегодня утром! Теперь великим князем будет Иван Красивый, как его зовут в народе! Значит, москалям сейчас не до нас. И мы будем спокойно ждать, пока в Москве не усилится общая сумятица. А тогда пойдем на Брянск! Пора нам взять в свои руки и Смоленск, и Брянск, чтобы они не достались москалям! Понимаешь?

– Понимаю, государь-батюшка, – кивнул головой князь Роман. – Мне сейчас оставаться в Вильно? Может вызвать сюда свою супругу, пока еще тепло?

– Не надо, – тихо сказал князь Ольгерд. – Возвращайся пока назад, в свое имение. Но помни: нужно быть готовым в любой час! Тогда я пришлю за тобой гонца, и мы пойдем на Брянск. Так?

– Так, государь! – весело ответил Роман Молодой. Он подумал о доме и своей ласковой, любимой жене. – Не сомневайся во мне: я всегда готов вернуть свою законную вотчину! И пора послужить тебе за твою ласку и любовь!

ГЛАВА 3

МИЛОСТЬ ХАНА ДЖАНИБЕКА

Князь Василий Иванович сидел в мягким татарском кресле гостевой юрты и ждал. Вот уже два месяца он пребывал в Сарае, томясь от тяжелой летней жары. Подходил к концу август, но жара все еще не спадала. Ордынский хан Джанибек в это время находился далеко на юге: как только началась засуха и пожухла степная трава, татары ушли на свои летние зеленые пастбища. Князь Василий с досадой вспоминал совет своего престарелого боярина Кручины Мирковича – еще в начале мая поспешить с отъездом из Брянска.

– Пришли известия из Москвы, – сказал тогда брянский князь, – что князь Иван Иваныч уже отъехал в Орду... Значит, царю Джанибеку будет не до меня... Поэтому нечего торопить время: успеем...

Да вот не успели! Ордынский хан довольно быстро и легко разобрался в делах. Князь Иван Иванович Красивый, прибывший с богатыми дарами в Сарай, был немедленно принят в ханском дворце и получил ярлык на великое владимирское княжение. Напрасно Константин Васильевич Суздальский и Нижегородский пытались оспоривать право на великое княжение. Сначала в Сарай прибыл его боярин, нижегородец Семен Судаков, с богатыми дарами, а затем, с еще более ценными подарками, и сам князь Константин, но серебро московского князя перевесило...

Скрипя зубами от досады, уезжали из Сарая разоренные, отдавшие все свои многолетние сбережения, нижегородский князь с боярами.

Сразу же после «праведного суда» хан Джанибек отбыл из Сарая, а приехавшему туда новоиспеченному брянскому князю пришлось ждать и ждать. Чего только не придумали его брянские люди: ходили со своим князем на Волгу, где рыбачили, пытаясь его развлечь, выезжали верхом и в степь, где охотились на зайцев и газелей, но все это довольно скоро надоело, а жестокий зной заставил их отсиживаться в полумрачных юртах.

Боярин Кручин, несмотря на преклонный возраст, выехал в Орду вместе с князем. – Надо познакомить тебя, княже, с ордынскими людьми, – говорил он, – и, если понадобиться, послужить тебе толмачем.

В самом деле, татарский язык князя Василия оставлял желать лучшего: хоть и учил его еще в Смоленске специально приглашенный из Орды грамотный татарин, но будущий брянский князь стеснялся своей татарской речи и умел только перебрасываться фразами со своим татарским наставником. Однако татарскую речь он хорошо понимал.

– Когда начнешь часто говорить с ордынскими людьми, появится уверенность и пропадет страх перед бусурманской речью, – наставлял князя боярин Кручин.

Но вот по прибытии в Сарай их постигла неудача: вместе с ханом откочевали на далекие пастбища и все знатные татары.

Единственной отрадой для князя и его людей оставалась православная церковь, куда брянцы ходили трижды в день: на утреню, обедню и вечерню. Сам князь Василий часто оставался после службы в гостях у сарайского епископа. Они подолгу беседовали, обмениваясь последними известиями о событиях на Руси и в соседних странах.

Именно от владыки узнал брянский князь о споре московского и нижегородского князей за великое владимирское княжение, об успехе Ивана Московского и неудаче Константина Васильевича, о коварных происках Литвы против соседних русских земель и беспорядках в далеком Царьграде.

И в этот августовский день он ждал к себе в гости сарайского епископа. А тот все не шел. Князь бросил взгляд на стоявший перед ним лакированный китайский столик, установленный серебряными кувшинами с густым греческим вином, глиняными корчагами с отменным

брянским медом, серебряными блюдами со всевозможными яствами, и вздохнул. Он вспомнил прошедшую ночь и перекрестился. – Я же только что совершил грех! – пробормотал он, краснея. – Надо бы покаяться перед владыкой!

Дело в том, что князь Василий первый раз в своей жизни изменил супруге. Он долго держался, надеясь сохранить себя в телесной чистоте, но ничего не получилось... За все время пребывания князя в Сарае красивые татарские рабыни ежедневно вторгались в его гостевую юрту и бесстыдно предлагали себя ему за примерную плату. Несмотря на то, что татарские мурзы, обладавшие множеством невольниц, отсутствовали в городе, их слуги, привыкшие снабжать женщинами русских гостей, продолжали зарабатывать деньги для своих хозяев.

Особенно красивые невольницы приходили от слуг мурзы Товлубея. С огромными усилиями князь Василий отказывался от их услуг. Но вот в этот раз он устоять не смог. Сказались то ли скуча, то ли «телесное томление»...

Князь вернулся тогда от сарайского епископа довольно поздно: уже стемнело и лишь знание его людьми Сарая позволило быстро добраться до гостевой юрты.

Княжеские слуги, ожидавшие Василия Ивановича, приняли лошадей князя и его дружиных, отвели их в конюшню, а молодой постельничий Белько быстро раздел князя, подставил ему под ноги таз с теплой водой и, омыв ноги князя, вытер их мягким пушистым полотенцем.

– Благодарю, Белько, – сказал почувствовавший облегчение в ногах князь Василий. – А теперь иди в свою коморку!

В этот момент в княжескую комнату быстро вошла молодая женщина, одетая в длинный темный халат с закрытым чадрой лицом.

– Что тебе надо?! – вскричал раздраженный князь. – Даже лицо упрятала! Такого еще не было... Неужели такая некрасивая?

Гнев князя Василия был связан с тем, что ему некого было упрекнуть в случившемся. В свое время, после нескольких вторжений соблазнительниц он, выдержав натиск, запретил своему слуге впускать их, и тот добросовестно выполнял княжеский приказ. Но этим слугой был сам постельничий, и на сей раз он был захвачен врасплох, обслуживая своего князя. Женщина ворвалась так неожиданно, что это не смогли предусмотреть. – Я не виноват, княже! – всплакнул растерявшийся Белько, едва не уронив таз с еще теплой водой.

– Да я вижу, что ты неповинен, – пробормотал князь, но, глянув на стоявшую перед ним незнакомку, вдруг испытал чувство острого любопытства. – Ладно, Белько, иди к себе. Я сам разберусь с этой женкой... Разожги только свечи.

– А теперь скажи мне, девица, – молвил, успокоившись, князь, как только его полумрачное помещение с единственной горевшей на столе свечой вдруг осветилось ярким светом, – неужели ты, в самом деле, укрыла тряпицами свое телесное безобразие?

– Не безобразие, княже, а свою красоту, – тихо сказала нежным, певучим голосом женщина, сбрасывая с себя одним движением руки всю одежду.

– Ах, какая прелесть! – вскричал князь, пожирая глазами красивую девушку. – Какие полные груди! Какое дивное лицо! А глаза... Почему они такие зеленые у тебя, лада?!

– Такая уродилась, батюшка князь, – проворковала красавица, чувствуя свою притягательную силу.

Небольшого роста, с длинными, льняного цвета волосами, с правильным овальным лицом, большими глазами и ярко-алыми пухлыми губками, она, казалось, воплощала в себе всю прелесть, какой владеет соблазнительная женщина.

– Как твое имя? – прохрипел, чувствуя сильное волнение и тяжесть внизу живота, князь. – Говори же, не тай!

– Шумка! – сказала уже громче и уверенней незнакомка. – Вот мое имя! Но я не знаю своих родителей. Я была совсем мала, когда попала в юрту Товлубея...

— Ты хорошо говоришь на нашем языке, — буркнул потерявший голову князь, — значит, ты из русских.

— Не знаю, — покачала головой красавица, опустив вниз свои пушистые беловатые ресницы. — Моя родина здесь — в славном Сарае...

И она, не стесняясь своей наготы, подняла вверх руки...

— Ах, как невыносимо! — вскричал князь Василий, забыв обо всем на свете. Он подскочил со своего топчана, подбежал, едва не повалив стоявший рядом столик, к обнаженной прелестнице и, не успела она опомниться, как он, дрожа, словно от лихорадки, схватил ее обеими руками, оторвал от глиняного пола и стремительно уложил на свое еще не успевшее остыть ложе.

— Ох, княже, княже, — застонала испуганная девушка, — ты же так разорвешь меня, несчастную, своей плотью! Ах, да как же, да что же! Лихо!!!

Но князь не слушал ее отчаянных, резких криков и стонов. Обезумев от желания, он буквально набросился на прекрасную Шумку и, едва ли не до самого утра, пока не свалился от усталости, жадно, страстно ее познавал.

Это любовное приключение обошлось брянскому князю в десять серебряных денег. Когда он проснулся, прекрасной незнакомки уже не было, а из потолочного отверстия юрты пробивался яркий солнечный луч.

— Эй, Белько! — крикнул князь, озираясь по сторонам и ища глазами свою вчерашнюю возлюбленную. Постельничий немедленно предстал перед князем. — Где же та девица, Белько? — спросил князь, пристально глядя на слугу.

— Да вот ушла, княже, — пробормотал юноша, — а здесь, в моем пределе, сидит старик-татарин и ждет твоего пробуждения...

— Татарин, говоришь? — привстал со своей лежанки князь. — Любопытно... Однако же, давай-ка, Белько, мот штаны, халат и тапки...

— Слушаюсь, княже, — последовал ответ.

Князь оделся и, после того как его верный слуга убрал постель, накрыв ее небольшим персидским ковром, уселся на образовавшийся таким образом диван.

— Зови же сюда этого татарина! — распорядился он.

— Салям тебе, коназ-урус! — сказал вошедший в княжеский покой седовласый, невысокий, но еще крепкий старик-татарин. — Дай, Аллах, тебе здоровья и сил, чтобы ты мог познавать бесконечное множество женщин до самого своего конца!

— Салям, добрый бабай! — кивнул головой князь. — Садись на эту скамью. И говори, что тебя привело в мои покой? Не желаешь греческого вина? — Князь Василий даже не заметил, как легко, без смущения и дрожи, полились из него татарские слова!

— Рахмат тебе, коназ-урус! — улыбнулся старик. — Я не хочу ни вина, ни твоих сътных яств. Радостно слышать твои почтительные слова, сказанные на нашем языке. Однако я уже давно тут сижу и жду тебя. У тебя недавно побывала рабыня нашего славного господина Товлубея... Поэтому ты должен оплатить ее услуги...

— Эй, Белько! — крикнул князь, нисколько не удивившись названной татарином сумме. — Тащи-ка сюда мою калиту! Вот тебе, бабай, десять государевых денег! А тебе самому — еще деньга! И скажи мне, могу ли я купить у твоего господина ту девицу? Продай ее мне, мудрый человек! Назови ее настоящую цену!

— Не знаю, коназ, что тебе сказать, — нахмурился татарин, пряча деньги в пояс. — Ведь та девица принадлежит моему господину, мурзе Товлубею. Он не захочет продавать ее. Вот если бы ты был его кунак или хотя бы старый знакомый... Тогда бы... Но сейчас здесь нет славного мурзы... Придется ждать.

— Тогда пусть та девица придет сюда и в эту ночь за такую же цену..., — сказал, нахмутившись, князь Василий, — а когда твой господин вернется, мы с ним договоримся...

— Якши, — весело сказал старый татарин, вставая и низко кланяясь, — пусть так и будет...

После ухода старика и принятия пищи, которую принесли князю из ближайшей чайханы слуги-татары, князь вызвал к себе из соседней юрты боярина Кручину Мирковича и все ему рассказал.

— Ох, княже! — схватился тот за голову. — Какие большие деньги ты заплатил за обычную блядицу! За что же тебе такое наказание?! И еще пообещал столько серебра?! Да так у нас не останется денег на выкуп пленников!

— Останется, Кручина, — усмехнулся Василий Иванович. — Вот только вернется Товлубей, и я выкуплю себе ту рабыню...

— Выкупишь?! — выпучил глаза Кручина. — Ты же ведь не знаешь цены Товлубея? Мы уже не раз попадали в беду из-за этого! Сам Дмитрий Красивый был жертвой этих распутных девок! Мурза Товлубей неплохо погрел руки на слабостях покойного князя! И те девицы приносили только горе! А сколько было ссор и раздоров! И как ты повезешь ее в Брянск? Покажешь своей супруге? Она же так тебя любит! Ты же разрушишь свою семью!

— Не разрушу! — решительно возразил брянский князь, — а наоборот, только укреплю! Но сколько же стоит рабыня? Прикинь, славный Кручина!

— Это зависит от воли Товлубея, — пробормотал недовольный Кручина. — Где-то с тысячу денег... Если не больше...

— Тысячу?! — вздрогнул князь Василий. — Это много! Однако у нас достаточно серебра, а девица очень хороша... Надо бы купить!

— Эх, княже, — вздохнул Кручина Миркович, — и ты тоже лезешь в то болото! — Он еще долго отстаивал свою точку зрения, пытаясь на примерах прошлого отговорить своего князя от выполнения непродуманного решения. Однако новый брянский князь настаивал на своем и слов разума не слушал. Наконец, ему надоел этот разговор, и он отправил своего боярина к сарайскому епископу, приглашая его в гости.

Так и сидел в ожидании высокого священника брянский князь. — Неужели владыка обиделся на меня? — думал он. — Я нынче не пошел на заутреню и как бы променял праведную молитву на красивую женку... — Тут перед его глазами встало лицо прелестной Шумки, и угрызения совести исчезли. — Ладно же, — сказал он себе, — Господь простит мне этот грех...

В этот миг распахнулась камышовая дверь, и в княжеский покой вошел сарайский владыка. — Да благословит тебя Господь, сын мой! — епископ перекрестил склонившегося перед ним князя Василия. — Я не сразу пришел к тебе, потому что у меня побывали гости — славные монахи с известиями...

— Садись же, святой отец, — брянский князь указал рукой на скамью перед стоявшим напротив его дивана столом, уставленным яствами и напитками, — и отведай моих хлеба-соли!

— Благослови, Господи, нашу трапезу! — молвил владыка, крестя стол. — Сначала я попробую твоего брянского меда. — Он налил в серебряный кубок ароматный напиток и поднял его. Князь же протянул руку за серебряной чашей с греческим вином. — Твое здоровье, отче! — сказал он, приступая к трапезе.

После еды князь и владыка разговорились.

— Сейчас нелегкое время, сын мой, — произнес седовласый епископ, — и наша несчастная Русь не знает покоя! Вот только недавно молодой великий князь Иван Иваныч уехал домой, в Москву, а мы узнали, что другой великий князь — Олег Рязанский — совершил беспощадный набег на московские земли и подверг их грабежу!

— Неужели он дошел до самой Москвы?! — воскликнул в изумлении Василий Брянский. — Этот Олег слишком смел!

— До Москвы он не дошел, — буркнул недовольный епископ, — но занял городок Лопасню и взял в плен московского воеводу Михаила Александрыча... И теперь требует выкуп за него! Я не считаю этого Олега храбрецом... Какая польза Руси от его отчаянных набегов? Одно только

горе! А теперь начались козни Ольгерда Литовского! Он захотел погубить нашу веру и подчинить своей власти святую церковь! Когда-то в Литву сбежал один чернец, сын тверского боярина, по имени Роман... Ольгерд принял его к себе на службу, объявив православным митрополитом! И потом послал этого Романа с целым возом литовского серебра в Царьград на утверждение к патриарху... А после смерти митрополита Феогноста в Москву вернулись из Царьграда посланные еще покойным князем Семеном знатные люди – Дементий Давыдович и Юрий Воробьев. А вместе с ними оттуда же приехали и посланники покойного митрополита – Артемий Коробин и Михаил Щербатый-Гречин. Они позвали в Царьград местоблюстителя Алексия – тоже для патриаршего утверждения! И получилось теперь два человека на место митрополита... Вот тебе незадача!

– Ну, и дела! – покачал головой брянский князь. – Как я вижу, нет покоя и у православной церкви! Прямо-таки светопреставление!

– Я слышал также, сын мой, – нахмурился сарайский епископ, – что в Литве недавно побывал князь Роман Молодой, владеющий захудальным Коршевом, что в Карабьевском уделе... Его принял сам великий князь Ольгерд...

– Что мне этот Роман? – усмехнулся князь Василий. – Кто он такой? Так себе! Мелкий князь... За это его и зовут «Молодым»!

– Все не так просто, сын мой! – покачал головой епископ. – Всем известно, что тот Роман – внук знаменитого Романа Старого, при котором Брянское княжество процветало! К тому же, нынешний Роман родился в Литве и вскормлен Ольгердом... Я чувствую беду для твоего удела...

– Не тревожься, святой отец, – весело сказал брянский князь. – Никакой беды не будет! Брянск сейчас – богатый и сильный удел! А Роман Молодой – никто! Я раздавлю его как мууху, если он пойдет на мой город!

На другой день пришли известия о скором возвращении хана Джанибека со своим двором в Сарай. Подтверждая их, в столицу Орды стали прибывать первые знатные татары. Вечером в княжескую юрту явился тот самый старый татарин, который недавно беседовал с князем Василием по поводу продажи красивой рабыни. – Мой господин уже в Сарае, – сказал после обычных приветствий седовласый татарский слуга. – Я рассказал ему о той девице и твоей просьбе. Славный Товлубей подумал и пригласил тебя в гости... Собирайся! Он не любит долго ждать!

– Благодарю тебя, добрый человек! – весело молвил брянский князь. – Вот тебе серебро за услуги той девицы минувшей ночью! А я готов идти к славному Товлубею! Подожди меня у этой юрты! Эй, Белько! – князь хлопнул в ладоши. Постельничий тут же вбежал в княжеский покой. – Давай же, Белько, мои лучшие одежды и тащи сюда мой малый сундук!

Одевшись и прихватив с собой кожаный мешочек, князь вышел из юрты, вскочил на коня и, сопровождаемый пожилым конным татарином, ожидавшим его у входа, поскакал к усадьбе именитого мурзы Товлубея.

– Салам тебе, коназ-урус! – сказал, приветливо улыбаясь, знатный татарин, когда брянский князь предстал перед ним. – Значит, ты теперь – коназ Брэнэ, сменщик покойного Дэмитрэ! Вот мы и увидим, достоин ли ты этого Брэнэ как славный муж! Садись же за прращественный стол!

– Салам тебе, славный мурза! – ответил, волнуясь, князь Василий. – Я слышал о твоей мудрости и знатности. Прими же мой скромный подарок и будь добр ко мне. – Он достал из мешочка, привезенного с собой, большой серебряный кубок, украшенный драгоценными камнями, и протянул его татарскому князю. – А – это – золотой наручник с рубинами. Он защищает от козней лютых врагов! – Брянский князь извлек из мешочка массивный золотой браслет. – Это тебе, славный богатырь, на счастье и здоровье!

– Рахмат тебе, коназ Вэсилэ! – весело сказал, принимая дары, мурза Товлубей. – Теперь ты – мой кунак! Вида твою щедрость, я решил пожаловать тебе ту девицу за очень скромную плату! Всего за тысячу двести государевых монет! Я никому не уступил бы ее и за сотню тысяч! Но тебе, моему кунаку, продаю по дешевке!

… Только к утру князь Василий вернулся к себе в гостевую юрту после бессонной ночи. Его голова гудела от усталости и выпитых в юрте Товлубея-мурзы чужеземных вин. Но едва он только отдал поводья своего коня слуге, как ему навстречу вышел из княжеской юрты боярин Кручин. – Князь-батюшка, – с горечью сказал он, глядя на спущенную с седла княжеского коня и стоявшую рядом с князем бывшую татарскую пленницу Шумку, – вчера вечером я ходил к видному государеву человеку, тайному советнику Тугучи. Он сообщил, что наш царь Джанибек пребывает в добром расположении духа и примет тебя в своем дворце через три дня. Значит, тебе нужно подготовиться к встрече и добиться от государя грамотки на брянский удел. Мудрый Тугучи сказал, что здесь у тебя нет ни врагов, ни соперников, поэтому будь спокоен!

В установленный срок хан Джанибек вызвал к себе брянского князя. Прием оказался недолгим. Василий Иванович прополз на животе по ковру и, приблизившись к золоченым ступеням ханского трона, поцеловал их.

– Салям тебе, Вэсилэ! – весело сказал Джанибек-хан. – Встань и подними башку!

– Салям, государь! – ответил вставший на колени брянский князь. – Долгих тебе лет и здоровья! Я прошу у тебя грамотку на брянскую землю!

– Ладно, Вэсилэ, – кивнул головой ордынский хан, и его глаза блеснули. – Мне было горестно услышать о смерти того покорного Дэмитрэ! А когда я увидел твои подарки – и серебро, и мягкую рухлянь – я понял, что ты праведен и достоин лесного Брэнэ! Поэтому владей этой землей, вовремя плати «выход» и храни верность моему ханству!

– Благодарю тебя, государь! – сказал, глядя в веселые черные глаза хана Джанибека, князь Василий. – Я оправдаю своей жизнью твое доверие и любовь!

– Иди же, Вэсилэ, в свою юрту и жди моих людей с ярлыком! – подвел итог их встрече ордынский хан. – А там – поедешь в свой Брэнэ, во славу Аллаха!

ГЛАВА 4

СВАДЬБА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

В теплый октябрьский день 1353 года, когда природа, предчувствуя холодную, суровую зиму, неожиданно возвратила на несколько дней летнюю погоду, и ароматы прелой желто-алой листвы витали в теплом прозрачном воздухе, сочетаясь с запахами речных просторов, в славном городе седобородого князя Константина Васильевича, в его златоглавом тереме, игралась свадьба. Престарелый семидесятилетний князь женил своего младшего сына Бориса на литовской княжне Рангине, дочери самого великого литовского князя Ольгерда.

Выбор невесты для сына князь Константин связывал со сложной политической обстановкой, возникшей после смерти великого владимирского и московского князя Симеона и получения ханского ярлыка на великое княжение молодым Иваном Ивановичем, братом покойного. Проиграв спор за великое княжение Ивану Московскому, Константин Васильевич, несмотря на преклонный возраст, не собирался сдаваться и готовился к новому витку борьбы за власть в восточной Руси. Для этого он стремился заполучить себе новых союзников и, в первую очередь, обратил внимание на главного врага Москвы – Литву. К его радости, у Ольгерда, имевшего множество детей, была на выданье дочь и, узнав об этом, князь Константин Нижегородский послал, не долго думая, в Вильно своих верных бояр, чтобы сосватать литовскую княжну. Великий литовский князь сразу же ответил согласием: в борьбе с Москвой он не гнушался союза ни с кем!

Княжич Борис Константинович тут же, в сентябре, по возвращении послов его отца из Литвы, выехал со своими верными дружиными и богатыми дарами в Вильно.

К его удовольствию, молодая пятнадцатилетняя княжна оказалась красивой, стройной девушкой, с легким, уживчивым характером. Русский язык она знала плохо, хотя общаться умела. Ее бесхитростная речь и характерный литовский акцент только усилили симпатию молодого князича, переросшую вскоре в настоящую любовь.

Сам княжич, достигший почти двадцати лет, с нежностью смотрел на свою юную невесту, чувствуя себя покровителем цветущей девушки.

Сначала свадьбу отпраздновали в Литве, «по обычаям дедов», как повелел великий литовский князь Ольгерд. Три дня веселились в замке отца невесты в Вильно знатные литовцы и нижегородские бояре, а затем, нагруженные богатым приданым – серебряной посудой, тканями, дорогими одеждами, бочонками с чужеземными хмельными напитками и слитками серебра – торжественно прибыли в Нижний Новгород. Но венчание молодых состоялось лишь через некоторое время после их возвращения.

Невеста прошла обряд крещения, сменила имя, стала Аграфеной, и «ради порядка», пожила несколько дней в скромном уединении при женском монастыре. Князь-отец, несмотря на неудовольствие жениха, решил проявить истинную набожность и затянул со свадьбой. Борис Константинович очень страдал от такого отцовского решения: ведь невеста уже стала на деле его женой сразу же в первую ночь после свадьбы еще в далеком Вильно! Страдали от скуки на чужбине и приехавшие с невестой знатные литовцы Гинвил Данутович, Довнар Зиновьевич и их воины, отряд из двадцати копий, сопровождавший торжественный поезд молодых.

Наконец, в церкви святого Спаса состоялось долгожданное венчание.

Невеста и жених стояли перед алтарем, как прекрасные статуи. Они молча слушали наставительную речь суздальско-нижегородского епископа, который самолично венчал молодых.

Красавица-невеста была одета в легкое белоснежное греческое платье, свисавшее до пола и обшитое сверху серебряными пластинками, жемчугом и мелкими алмазами. Ее небольшая, но красавая округлая грудь была плотно закрыта верхом из серебристой парчи, пришитой к

платью, а длинные белоснежные волосы были скатаны в высокую прическу, плотно сжатую шелковой косынкой желтого цвета. В ушах невесты сверкали массивные золотые серьги с крупными ярко-красными рубинами и, казалось, что ее нежные уши едва выдерживали драгоценную тяжесть. Пухлые, нежные губы красавицы были выкрашены в ярко-бордовый цвет особой нижегородской свеклой, выращенной в княжеских огородах, а над большими серыми глазами, на веках, синели проведенные опытными руками знающих свадебные дела русских женщин небольшие полоски. Невеста очень неохотно позволила разукрасить свое лицо, но вот от румян решительно отказалась: ее природная бледность не умаляла, но усиливала красоту, и девушка об этом знала. На ногах красавицы были надеты легкие белые тапочки, обшитые серебряными кружками и жемчужинами. Сами же стройные ноги скрывались в длинном платье. Ее овальное белоснежное лицико хорошо вписывалось в желтую косынку и, несмотря на то, что такой цвет не очень нравился свадебным бабкам и матери княжича Бориса, особенно в сочетании с белым платьем, прекрасное лицо, довольно высокий рост (невеста лишь на голову уступала рослому жениху) и стройная фигура скрашивали этот недостаток.

Борис же Константинович был одет много проще: в длинную белую рубаху с вышитыми на ней по краям и рукавам красными цветами и опоясанную широким алым кушаком, завязанным посередине в узел. Из-под длинной рубахи жениха, немного не достававшей до колен, виднелись длинные татарские штаны с вертикальными синими полосками на белом фоне. Штаны были заправлены в красные козловые полусапожки с загнутыми вверх носками. Кудрявые русые волосы Бориса Константиновича свисали до плеч: во время венчания он стоял с непокрытой головой. А рядом с ним стоял важный боярин отца, державший в руках княжескую шапку.

Жених немного согнулся перед владыкой, когда тот, взяв у служки золоченый венец, возложил его на голову ему, молодому князю. При этом небольшая, аккуратно подстриженная бородка Бориса Константиновича как бы вздрогнула, и показалось, что он лукаво усмехнулся. Невеста при этом широко улыбнулась, обнажив красивые, ослепительно белые зубы.

– Какая дивная красавица! – вздохнули стоявшие в стороне и жадно глазевшие на молодых нижегородские бояре.

С невестой же владыке пришлось потрудиться: венец совсем не влезал на ее высокую прическу и косынку. Помог рослый церковный служка, проворно подскочивший сзади к невесте и схвативший золоченый обруч, который едва не выпал из рук епископа. При этом служка растолкал стоявших за молодыми самых знатных нижегородцев, неохотно отступивших на шаг и, не надевая венчальную корону на невесту, держал этот священный знак над ее головой.

Владыка, довольный расторопностью своего слуги, кивнул ему головой и торжественно объявил о состоявшемся обряде. – Перед лицом самого Господа вы являетесь законными супругами! – сказал он густым, сочным басом, благословляя и крестя молодых.

И сразу же после этих слов запели на хорах лучшие церковные певчие, славя Бога и поздравляя молодых. Под звуки священных псалмов жених и невеста, освободившись от венцов, оставшихся у служек, медленно пошли, взявшись за руки, к выходу, вслед за удалявшимися из церкви боярами.

Несмотря на то, что князь Константин Васильевич оставил почти все свои богатства в Орде, он ничего не пожалел для свадьбы своего сына: столы ломились от серебряной и золотой посуды с богатыми яствами и чужеземными винами. Немало снеди было привезено вместе с подарками Ольгерда из Литвы.

Старый князь с княгиней сидели за своим отдельным столом, поставленным поперек, в больших, резного дуба, креслах. К их столу примыкали два длинных, параллельных друг другу стола с длинными же скамьями. Одну из этих скамей, по левую руку от княгини, возглавляли жених и невеста, рядом с которыми расположились литовские гости, а вдоль другой скамьи за параллельным столом сидели, ближе к князю, по правую его руку, суздальско-нижегород-

ский епископ, сыновья князя Константина, Андрей и Дмитрий, нижегородские бояре и старшие дружины.

Менее знатные люди праздновали славное событие в соседнем, более обширном пиршественном зале. Здесь уже посуда была оловянная и деревянная, но яства были те же: нижегородская земля славилась дичью и рыбой. Словом, свадебный пир был нескованно щедрым и удался на славу.

К вечеру, когда княгиня и молодые покинули пиршественную залу, а гости уже изрядно выпили и наелись, князь Константин, несмотря на возраст и большое количество выпитого вина, сохранивший свежий и трезвый вид, начал вести продолжительную, обстоятельную беседу со своими гостями.

Как и следовало ожидать, он в первую очередь вспомнил «ордынские обиды» и торжество над ним московского князя Ивана.

– Тот молодой князь добился владимирского «стола» только хитростью и коварством! – сказал он с горечью.

– Это правда! – ответил на хорошем русском знатный литовец Довнар Зиновьевич, придинувшийся ближе к князю и севший на место жениха. – Москва совсем обнаглела и поразила весь мир своей жадностью! Ей мало своих земель, так теперь покусилась на соседние уделы...

– Однако славный князь Олег Иваныч Рязанский крепко и зло пощипал перышки петухомоскалю! – усмехнулся другой литовский гость, Гинвил Данутович. – Он занял городок Лопасню и захватил много пленных!

– Каких там пленных! – усмехнулся Константин Васильевич. – Разве вы не знаете, что молодой московский князь Иван послал к Олегу своего человека, который, будучи хитрым и льстивым, отговорил Рязань от «братоубийственной войны». Мало того, тот славный Олег освободил всех московских пленников и даже воеводу Михаила, Вельяминова тестя! Вот тебе и «пощипал Москве перышки»!

– Но все-таки мы увидели, что и на коварную Москву есть управа! – возразил Довнар Зиновьевич. – Ведь князь Иван побоялся воевать с Рязанью! И добился примирения лишь хитростью да ложью...

– Этого московским князьям не занимать! – горько молвил князь Константин, склонив свою седую голову. – Когда у них беды и неустройства, они сразу же становятся такими добрыми и слезливыми, а когда окрепнут, готовы выдать врагам даже своих братьев! Но ничего! Крепнет наш союз со славным Ольгердом и Тверью! Вот уже больше года, как я отдал свою дочь за Михаила Александрыча, племянника великого тверского князя... Так что у нас есть силы против ненавистной Москвы!

– Москва захотела подчинить себе даже православную церковь с помощью своего попа Алексия! – буркнул литовец Гинвил. – Но мы справимся и с ним! Наш славный господин Альгирдас послал в Царьград своего верного человека, епископа Романа, чтобы утвердить его как православного митрополита!

– Эх, друзья мои, – покачал головой князь Константин, – вот если бы ваш могучий князь Ольгерд стал православным христианином и окрестил всю Литву, тогда бы он добился большей пользы! А дело с тем епископом Романом – серьезная ошибка! Вот нарушится церковный порядок, и Господь разгневается на нас! Разве в нашей жизни мало неурядиц? Не надо было лезть в церковные дела! Мы по уши запутались в московской паутине и ждем, когда возмужает Иван Иваныч, чтобы добраться до наших земель. Неужели вы не видите, что уже Смоленск и Брянск записались в друзья или слуги Москвы?

– Это так, – кивнул головой Довнар Зиновьевич. – Мы слышали о дружбе москалей со Смоленском и Брянском. Это – большая беда для Литвы! Но Смоленск от нас недалеко, и скоро настанет нужное время...

— А вот с Брянском дела хуже! — усмехнулся Константин Васильевич. — Смолянам удалось посадить своего Василия на место покойного Дмитрия! А москвичи дали Брянску своего епископа... А Брянск — богатый удел! Там немало серебра и мягкой рухляди! И тот Василий, получив от царя грамотку, шлет в Москву послу за послом! Его люди вылизали весь зад Ивану Красивому! Нет, пока тот Василий сидит в Брянске, не будет покоя ни у нас, обиженных Москвой, ни у вас, в славной Литве!

— Скажу тебе по секрету, княже, — усмехнулся разгоряченный винными парами литовец Гинвил, — но никому об этом не говори... Наш славный князь и король Альгирдас недоволен брянскими событиями и совсем не признает того князя Василия!

В этот момент его товарищ, литовец Довнар, встрепенулся, подскочил и толкнул говорившего в бок. — Помолчи, Гинвил, — прошептал он. — Это не нашего ума дело! Наш господин Альгирдас не одобрит твоих слов!

Князь Константин Нижегородский не услышал слов Довнара, но по тому, как покраснел и осекся Гинвил, сразу же догадался, что случилось.

— Нечего меня бояться! — громко сказал он. — Здесь можете свободно говорить! У меня нет соглядатаев Ивана Московского ни при дворе, ни, тем паче, за пиршественным столом! Так что не таите от меня слов или дел вашего господина и моего брата Ольгерда!

— Ну, если так, княже, — успокоился Гинвил, — тогда я сообщу о нашей тайне... Могучий Альгирдас собирается изгнать князя Василия из Брянска! Мы поджидаем удобное время и готовим войско. У нас есть немало своих сторонников в Брянске и настоящий, законный брянский князь!

— Кто же? — вскинул брови князь Константин. — И где вы нашли его?

— Это князь Роман Молодой, — улыбнулся Довнар Зиновьевич, — сын покойного Михаила Асовицкого! Он — внук Романа Старого, возродившего древний Брянск!

— А, Роман Молодой, — разочарованно буркнул нижегородский князь, — владелец захудалого Глухова и зять Тита Козельского... Я слышал о нем, но сомневаюсь, что он подходит для Брянска. Разве он осмелится при своей малой значимости враждовать с Москвой? Это просто нелепо!

ГЛАВА 5 КНЯЖЕСКАЯ ОХОТА

Князь Василий Иванович ехал на охоту. Август 1354 года был на редкость теплым и солнечным. Спала лишь тяжелая июльская жара, но лето уходить не собиралось. Даже листва на деревьях сохраняла зеленую свежесть и почти не пожухла.

– Вот какая благодать! – думал про себя князь, покачиваясь в седле. Его любимец, черный, как воронье перо, конь, уверенно шел рядом с конем княжеского охотника Безсона Коржевича. За ними следовал небольшой отряд из двадцати лучших княжеских дружиинников и десятка опытных охотников.

Путь был недальний, и князь не спешил. Он любил медленную езду, во время которой дремал и размышлял. В этот год он удачно съездил в Орду. В самом начале мая, когда вошли в берега реки, появилась листва на деревьях, и тонкий аромат зеленых трав, цветов и влажной земли стоял в воздухе, брянский князь выехал со своими людьми на известный ордынский тракт. Они приехали в Сарай без задержек и расположились в тех же самых гостевых юртах, где жили в прошлом году.

Хан Джанибек пребывал в своей столице и сразу же, как только боярин Кручина Миркович сдал в ханскую казну серебро и меха, принял брянского князя.

Ордынский хан был не в духе: накануне приезда русских скончался его тайный советник – умный и покорный воле своего повелителя Тугучи. Теперь слева от ханского трона стоял сорокадвухлетний сын умершего Тютчи. В отличие от своего отца, он был невысок, но широкоплеч, круглиц и толстоват.

Хан Джанибек не любил полных людей и терпел перед собой Тютчи лишь потому, что тот хорошо ведал бумажную работу и знал не только русский и татарский языки, но арабский и персидский. Имея такого слугу, подозрительный Джанибек не нуждался в переводчиках, которым не доверял.

И в этот раз, принимая Василия Брянского, он не раз кивал своему тайному советнику, чтобы тот задавал по-русски вопросы волновавшемуся и сбивчиво говорившему по-татарски князю. В конце концов, разговор, в котором звучали лишь восхваления в адрес «славного государя», хану надоел, и он сказал: – Возвращайся, Вэсилэ, в свой Брэнэ! Ладно, что вовремя и сполна доставил свой «выход» с добрыми подарками! А теперь уходи... И если не хочешь сам приезжать в мой славный Сарай, тогда присытай серебро в двойном числе!

Князь Василий, стоявший на коленях, ударился при этих словах хана лбом об пол так сильно, что даже толстый персидский ковер не загасил стука. – Какой же хитрый наш царь! – подумал он в этот момент. – Я и так плачу огромный «выход»! Еще покойный Дмитрий Романыч платил столько же серебра, но сам в Орду не ездил!

Видя как неуклюже, но подобострастно отступает к двери брянский князь, пятым, стараясь не повернуться к хану спиной, Джанибек не выдержал и с хрипом, покачиваясь на троне, захотел.

Еще долго потом вспоминал князь Василий хищное, оскаленное лицо смеявшегося хана. В тот же день он выместили свои гнев и унижение на постельничем, не успевшим накрыть стол к приходу своего князя. – Нет тебе оправдания! – кричал князь,сыпая пощечинами напуганного Белько, а когда тот упал перед ним на колени, с размаху ударили плакавшего навзрыд слугу ногой в зад.

И все же брянский князь был доволен своей дальней поездкой. Вспоминая свое долгое прошлогоднее «сидение» и зная, как другие князья целые месяцы ожидали ханского приема, а потом еще дольше – разрешения на отъезд домой, он успокаивался.

Вернувшись в Брянск, князь Василий энергично занялся делами: назначил нового тиуна, заменил огнищанина, отвечавшего за княжеское хозяйство, и даже поменял прежних теремных слуг. Супоню Борисовича, бывшего тиуном при князе Дмитрии, он послал воеводить в крепость-сторожку, располагавшуюся в нескольких верстах к северу от Брянска. Его брата, Воислава Борисовича, отправил воеводой в Почеп. Такая же участь постигла и их двоюродных братьев – Жиряту и Сбыслава Михайловичей, которых он, вместе с «работными людьми», послал на самый юг своего удела – заново отстраивать Севск.

Брянские бояре неохотно уезжали из столицы удела, восприняв княжескую волю как опалу. Оставшиеся же в городе бояре тоже были недовольны: новый брянский князь не сдержал своего обещания – ничего не менять в жизни знати – и выдержал лишь немногим больше года. Если бы не епископ Нафанаил, брянская знать наверняка бы взбунтовалась.

Воспользовавшись как-то отсутствием князя Василия в городе, бояре собрались в думной княжеской светлице на совет.

– Князь Василий стал зажимать нас, своих верных людей! – сказал, как бы открывая совещание, княжеский мечник Сотко Злоткович. – Он отоспал именитых бояр на окраину, нанеся вред нашему городу и уделу! Сейчас он взялся за наших братьев, а скоро доберется и до нас! Неужели нам придется убираться, Бог знает куда, на старости лет?

– Это все не случайно, братья! – молвил, вставая из середины, боярин Борил Миркович. – Разве вы не помните, что сразу же после смерти славного князя Дмитрия, все ныне опальные бояре, начиная от Супони Борисыча, предлагали объявить нашим князем Романа Молодого? И высказались против Василия Смоленского? Вот причина их ссылки! Наш князь Василий откуда-то узнал об их споре и вот отомстил нашим братьям!

– Неужели кто-то донес ему?! – подскочил со своего места Коротя Славкович. – Видно так и было! Нет сомнения, что князь обо всем проведал! Но кто же нас заложил?!

В светлице установилась полная тишина.

– Ты же наш мечник, Сотко Злоткович?! – вдруг выкрикнул, не вставая, Юрко Брежкович. – Вот и узнай, кто наушничает новому князю и поливает нас, славных бояр, несмыываемой грязью! Разве мы княжеские холопы, а не вольные бояре?!

– Я не хочу устраивать слежку за своими братьями-боярами! – возмутился Сотко Злоткович. – И я сам сейчас пребываю в княжеской опале: князь еще ни разу не приглашал меня на беседу и до сих пор не удостоил меня добрых слов! А ведь мои люди сделали столько нужных дел! К тому же, я ни в чем не провинился перед князем!

– Вот вам, братья, и новый князь! – возмутился Борил Миркович. – Мы совершили огромную ошибку! И ее надо исправлять!

– А может, примем постановление и подадим князю Василию прошение, чтобы он перестал нас зажимать? – предложил боярин Коротя. – А если не одумается, мы все уедем из Брянска! Тогда он пожалеет!

– Нет уж! – вскричал, побагровев, Юрко Брежкович. – Пусть сам уходит отсюда! Мы здесь прожили всю жизнь и совершили столько добрых дел! У нас немало заслуг перед уделом!

Бояре загудели, заволновались.

– Успокойтесь же, знатные люди! – поднял руку молчавший доселе епископ Нафанаил. – Я знаю о княжеском гневе на наших славных бояр – Супоню, Жиряту и других! Не следовало на них доносить! А если бы вам донесли о чем-то подобном? Вы бы стерпели? Вся беда – в бессовестном доносительстве!

– А если этот доносчик сегодня же сообщит князю о нашем нынешнем совещании? Что нам тогда делать?! – вскричал Борил Миркович. – Неужели останется только умирать?!

– Ничего не останется, славный боярин! – сказал с уверенностью в голосе брянский епископ. – Я уже говорил на этот счет с князем, и он пообещал мне, что больше не будет беспо-

коить вас! И вскоре вернет назад Супоню с остальными опальными боярами... Так что вам нечего волноваться!

– Пусть лучше укротит свою неуемную плоть! – буркнул Юрко Брежкович. – Не успел воссесть на княжеский «стол», как сразу же привез себе ту бесстыдницу Шумку, назначив своей ключницей! Он позорит свою красавицу-супругу!

– Ладно, брат, – остановил своего товарища боярин Борил, – это нас не касается! Всем известно, что князья очень падки на красивых женок! Разве вы не помните Дмитрия Красивого и Василия Храброго?! Нашему новому князю далеко до них!

– Ты прав, Борил Миркович, – усмехнулся Юрко Брежкович, – куда ему до них!

– Замолчите, братья! – громко сказал Сотко Злоткович. – Сами себе роете яму! А если нас опять заложат? Пусть владыка сам вразумит князя!

Князь все-таки узнал о состоявшемся боярском совете и нелестных о нем высказываниях, однако предпочел сделать вид, что ничего не случилось.

Вот и теперь он, покачиваясь в седле, размышляя, как ему повести себя с недовольными боярами, но ничего не мог придумать. – Надо бы поговорить с владыкой, – решил он, наконец, про себя, – и попросить у него совета...

– Княже, – вдруг громко сказал ехавший рядом Безсон Коржевич, – пора слезать! Здесь поблизости кабанье лежбище.

– Ладно, Безсон, – очнулся от раздумий князь. – Тогда готовьте рогатины и слезайте с коней. – Он махнул рукой своим людям. – Разомнем свои кости и порадуемся славной добыче...

Но «славной добычи» почему-то не получилось. Как только князь и его спутники подкрались, оставив предварительно лошадей княжеским слугам, к злополучному лежбищу, они не нашли там кабанов.

– Вот уж незадача! – возмутился князь, пройдя вдоль и поперек изрытую кабанами поляну. – Только одни следы остались от этих мерзких вепрей! Где же наша добыча, Безсон? Неужели ты меня обманул?!

– Нет, княже, – пробормотал отяженевшим языком княжеский охотник, – все шло, как надо, и мои люди, в самом деле, выследили кабанов! Но их кто-то спугнул! Неужели здесь побывали какие-то злодеи?

– Откуда здесь быть злодеям?! – возмутился князь, приходя в гнев. – Разве это не заповедный, княжеский лес?!

– Заповедный, батюшка, – пролепетал напуганный Безсон, – но я не знаю, почему разбежались кабаны... Такое могут натворить только люди...

В этот момент вдруг раздался сильный треск, и на поляну выбежали большие серые зайцы. Остановившись прямо напротив князя и его людей, они остолбенели и, казалось, не собирались убегать.

– Дайте мне скорей боевой лук! – крикнул князь, схватил протянутое его дружиинником оружие и, натянув тетиву, спустил стрелу. Раздался писк, и большущий заяц, стоявший как столб в середине стаи, вдруг подскочил и рухнул наземь, пробитый стрелой. Остальные звери заметались, запрыгали, но назад не убежали.

– Стреляйте же, люди мои! – приказал, чувствуя, как его охватывает охотничий азарт, князь. – Добудем хотя бы этих глупых зайцев! Это тоже дичь! – Он выхватил из руки Безсона новую стрелу. Засвистели тетивы луков княжеских охотников, и зайцы, пронзенные стрелами, попадали на землю.

– Вот тебе, почти два десятка! – усмехнулся князь. – Однако это не вепри! Они не заменят той знатной добычи!

– Удивительно, княже, – пробормотал Безсон Коржевич. – Я еще ни разу не видел, чтобы трусливые зайцы сами выбегали на охотников! Тут что-то нечисто!

— Это так, княже, — молвил подошедший к своему князю лучник Туча Гудилович. — Зайцы даже не пытались убежать! Значит, кто-то выгнал их на поляну!

— А может, это — свирепый медведь? — заволновался князь Василий. — Это была бы желанная добыча! Пошли в ту чащу! Держите перед собой рогатины!

Князь с охотниками прорвались сквозь заросли ивняка и едва только ступили на небольшую поляну, как Безсон, проскочивший вперед, громко закричал: — Ох, княже, берегись!

Прямо на них выскоцил рослый бородатый мужик, одетый в темно-серый армяк, лапти, с большим крестьянским малахаем на голове. Увидев князя и его людей, он оцепенел от страха и завертелся на месте, пытаясь развернуться для бегства, но все никак не мог с собой справиться. Наконец он, совершенно обезумев, подпрыгнул и с хрипом заорал во все горло: — Спасайтесь, братцы!!! Здесь сам князь с дружиной!!!

— Ах ты, лютый злодей! — пробормотал князь, выхватывая у стоявшего рядом охотника лук и налаживая стрелу. — Вот тебе, получай!

Стрела со свистом рассекла воздух и вонзилась прямо в шею чернобородому мужику, и он, подаввшись вперед, свалился, как куль, под ближайший куст, захрипел и задергался. Только теперь князь и его люди увидели в руке умиравшего большой черный меч.

— Так ты еще и крамольник! — вскричал князь, выхватывая из ножен, висевших на поясе, тяжелый меч. — Вперед, на прочих злодеев!

— Куда ты, княже, — попытался остановить его Безсон Коржевич, — а вдруг там целое войско? Так и сложим нелепо свои головы!

Но князя уже никто не мог остановить. Он, кипевший яростью, стремительно побежал к ближайшим кустам, откуда появился убитый разбойник. За ним устремились княжеские дружины и охотники. Они выбежали к берегу лесного озера, возле которого часто охотились прежние брянские князья.

— Вон они, злодеи, княже! — крикнул княжеский дружины Шульга, указывая пальцем правой руки на бежавших по берегу мужиков. — Их пятеро! Вот-вот убегут!

— Стреляйте же, молодцы! — приказал своим зычным голосом князь. — Не щадите ни одного татя!

Вновь засвистели стрелы, и все пятеро здоровенных мужиков рухнули на землю, обливаясь кровью.

— Хорошо, мои воины, — весело сказал князь, когда все подошли к лежавшим без движений, утыканным стрелами, мужикам, — вы разили без промаха! Брянцы — отменные стрелки! Не зря о вас идет слава по всей Руси!

Польщенные словами князя люди молчали и улыбались, глядя на сраженных их стрелами злодеев. Вдруг один из охотников по имени Борич, доселе не произнесший ни единого слова, поднял левую руку и снял с головы легкую летнюю шапку. — Это наши, брянские, люди, княже! — молвил он. — Хоть и оделись они в крестьянскую одежду, но это — горожане! Вон того зовут Усыня Белич, — он указал пальцем правой руки на ближайший труп. — Он — известный гончар!

— А тот, — кивнул головой в сторону другого покойника Безсон Коржевич, — Ванко, приказчик купца Медко Всемилича!

— А тот, — сказал кто-то, указывая рукой на другого мертвеца, — человек купца Олдана Мордатича!

— А прочие? — вскинул голову князь. — Они тоже брянские?

— Брянские, — тихо сказал Безсон Коржевич. — Я знаю их в лица, но имена не помню... Вот уж какая беда! Не надо было их убивать! Это большой грех! Нам только не хватало городской смуты!

— Помолчи, Безсон! — буркнул князь. — Что они делали в моем заповедном лесу? И почему убегали как дикие звери от меня, своего законного князя? Значит, совершили злодейство!

Разве не они разогнали моих вепрей? А один из них, бесстыжий стручок, даже выскоцил на нас с мечом! Мы правы в своем гневе!

– Но не убивать же, – пробормотал Шульга Резанович. – Это слишком жестоко!

– Нечего их жалеть! – рассердился, покраснев, князь Василий. – Пошли к нашим лошадям! Поедем домой!

– А как же покойники? – развел руки Безсон Коржевич. – Надо бы отнести их тела на телегу, чтобы доставить в город! Негоже оставлять христиан на растерзание диким зверям!

– А может, заказать по ним панихиду? – усмехнулся брянский князь. – Пусть остаются здесь и будут пищей волков! Тогда остальные злодеи хорошо подумают, прежде чем покусятся на мой заповедный лес! Пошли же!

И князь, махнув рукой, двинулся вперед, но уже не по прежней дороге, а по следам, оставшимся на берегу озера от убитых. За ним побрали, нахмутившись и качая головами, княжеские воины и охотники.

Через некоторое время они вошли в помятый убегавшими от них мужиками кустарник, уже почти распрымившийся и, прораввшись сквозь заросли, выбрались на небольшую поляну.

– А вот, княже, и твои вепри! – вдруг громко сказал Безсон Коржевич, указав рукой, свободной от рогатины, в сторону больших кабаньих туш, лежавших под кустами.

– Вот как они поохотились! – воскликнул обрадованный князь. – Добыли четырех вепрей! Значит, здесь было больше злодеев! Нет сомнения, что многие из них избежали моего гнева! Пусть же сами доставляют в город тела своих разбойных сотоварищ! А этих вепрей... тащите к нашим телегам!

ГЛАВА 6

ЗАБОТЫ ИВАНА КРАСИВОГО

Великий московский и владимирский князь Иван Иванович прибыл к концу лета 1355 года в Сарай. Зная, что ордынский хан часто в самое жаркое время года откочевывает на дальние южные пастбища, князь Иван надеялся, что ему не придется долго ждать ханского вызова: уже значительно похолодало и, казалось, вот-вот грядет осень.

Хан Джанибек вскоре вернулся в свою столицу, и как только бояре московского князя сдали в ханскую казну «выход» и подарки, милостиво согласился принять молодого князя Ивана. Он явился во дворец в плохом расположении духа: совсем недавно сгорела Москва. Только от тринадцати церквей остались одни дымящиеся головешки! Город надо было отстраивать заново! Денег не хватало... А 21 ноября прошлого года скончался князь Константин Васильевич Нижегородский. Его сын Андрей возобновил отцовские претензии на великое владимирское княжение, считая себя старшим в княжеском роде. Тогда же неожиданно умер князь Дмитрий Федорович Стародубский, а его брат Иван Федорович, не пожелав даже посоветоваться с Иваном Московским, поехал в Орду за ярлыком на наследственное княжение.

В довершение ко всему, из Царьграда прибыли сразу два митрополита. За русское серебро константинопольский патриарх дал митрополию Алексию, а за литовское – Роману. Первый – московский ставленник – получил в ведение восточную Русь, второй – Волынь и Литву.

Оба митрополита стали посыпать своих эмиссаров в Тверь, Новгород и Рязань, проклиная друг друга и призывая их под свою руку. В то время как Великий Новгород отверг притязания Романа-митрополита и признал Алексия, тверской епископ Федор не знал, что делать и колебался, от чего «была великая тягость священнническому чину».

Глядя на поникшего, хмурого Ивана Ивановича, хан Джанибек улыбнулся: – Ты же так молод, Иванэ! – сказал он. – Почему же твое лицо злое и желчное? В моем дворце так не принято! Будь весел и бодр! Неужели что-нибудь натворил? Ты не забыл своего верного слугу Фэдэрэ?

Князь Иван вздрогнул. – Почему он вспомнил моего Федора Глебыча? – промелькнуло в его мыслях.

Дело в том, что еще в прошлом году служилый московский князь Федор Глебович, собрав дружину, напал на город Муром и, воспользовавшись неожиданностью, захватил его. Удельный же муромский князь Юрий Ярославович бежал в Орду с жалобой к хану Джанибеку. Вскоре туда же приехал, поддержаный Иваном Московским, князь Федор Глебович. Благодаря московскому серебру, ему удалось добиться ярлыка на Муром, а бессребреник Юрий Ярославович был выдан ханом в руки Федору Глебовичу. Последний отвез к себе в Муром несчастного, но законного, князя, поместил его в темницу и уморил голодом. Об этом узнал ордынский хан и вот смотрел теперь на Ивана Московского, покровителя жестокого князя, ожидая его ответа.

– Я не виноват в том преступлении! – пробормотал на хорошем татарском языке князь Иван. – Я только поддержал своего слугу, Федора, но убийство князя Юрия – его собственное дело!

– Дело не в убийстве, Иванэ, – весело сказал Джанибек. – В том не было преступления, ибо я сам выдал глупого Юрке на расправу... Это даже можно считать справедливой казнью! (Иван Иванович с облегчением вздохнул.) Здесь другая беда! На тебя поступила жалоба от Андрэ из Суждалэ! Он просит отнять у тебя ярлык на Уладэ-бузург и передать ему! Андрэ считает тебя недостойным быть великим коназом и обвиняет Мосикэ в захвате чужих земель, приводя в пример твоего слугу Фэдэрэ! Неужели он прав?

– Нет, не прав, государь! – возмутился Иван Московский. – Что касается Федора, то ты сам одобрил его действия! И никто, кроме этого Андрея, меня не обвинял! Пусть явится сюда и попробует доказать свои вздорные наветы!

– А, так это нетрудно! – хан привстал со своего трона и хлопнул в ладоши. Из неосвещенного угла приемной залы вышел верный ханский раб – рослый, широкоплечий, с гладко выбритой головой. – Сбегай-ка, Улуй, к тому коназу Андрэ, – распорядился Джанибек, – и пусть он идет сюда без промедления!

– Слушаю и повинуюсь, государь! – выкрикнул раб, устремляясь к выходу.

– А пока поведай мне, Иванэ, о пожаре в твоей Мосикэ, – молвил ордынский хан, вновь удобно усевшись на своем золоченом троне.

– Нас постигло огромное горе, государь, – начал свое повествование московский князь. Он подробно рассказал о случившемся несчастье, об убытках, людских жертвах и возникших беспорядках.

Хан, откинувшись на спинку трона, с улыбкой слушал своего данника. – Якши, якши, – периодически повторял он, прищурив глаза.

Едва только Иван Красивый успел изложить суть дела, как дверь в приемную залу отворилась, и ханский раб ввел сгорбившегося, поникшего князя Андрея Константиновича. Увидев стоявшего на коленях у ханского трона великого князя Ивана, он еще больше помрачнел и, упав на пушистый ковер, медленно, как старик, пополз вперед.

– Встань же! – приказал Джанибек, когда князь Андрей униженно поцеловал тронную ступеньку. – Салям тебе, бестолковый Андрэ!

– Салям галляйком, премудрый государь, наше золотое солнце и серебряный месяц! – простонал князь Андрей. – Живи не одно столетие, славный мудрец и всемогущий повелитель!

– Ладно тебе, Андрэ, – рассмеялся хан Джанибек, довольный лестью и хорошим татарским языком сужданского князя. Вся его видимая суровость исчезла. – Изложи свою жалобу и не утай вправы!

– Я жалуюсь тебе, государь-батюшка, – заплакал глядевший в пол Андрей Константинович, стараясь не смотреть на московского князя Ивана, – о жестокости и несправедливости моего брата, князя Ивана... Он очень злой, грубый, жадный и хочет меня погубить!

– Это правда, Иванэ? – спросил, прищурившись, хан Джанибек.

– Нет, государь! – громко сказал Иван Иванович, глянув с презрением на князя Андрея. – Я жил в мире с его батюшкой, Константином Василичем, но он недавно умер. Говоря же об этом Андрее, я могу поклясться, что никогда его не обижал! Я до сих пор не пойму: чего он так взъерепенился?

– Как же! – раздраженно буркнул князь Андрей. – Неужели ты забыл тот несчастный Муром? А теперь простер свои руки до Смоленска и Брянска! Те князья всегда враждовали с Москвой! А сейчас – не успевают присыпать к тебе своих людей с подарками! Вы даже посадили в Брянске своего владыку и так повели дела, что этот лесной город погряз в беспорядках и мятежах!

– Здесь нет моей вины! – возмутился Иван Иванович. – Известно, что прошлым летом брянский князь Василий жестоко наказал своих людей за самоуправство, и это вызвало возмущение черни. Но князь Василий легко справился с мятежниками и сейчас там – тишина да покой! Об этом рассказали нам приехавшие в Москву брянские люди. Я не причастен к брянским событиям...

– А почему ты, Андрэ, – вмешался в разговор Джанибек, – обвиняешь Иванэ в той смуте?

– Потому что, государь, – сказал, осмелев, князь Андрей, – Москва всегда устраивает беспорядки в соседних уделах! Стоит только кому-нибудь князю связаться с Москвой, как на его земли обрушаются беды и несчастья!

– Это только совпадение! – возразил московский князь. – В Брянске нет моих людей!

– Нет? – вскинул брови князь Андрей и впервые пристально посмотрел на Ивана Ивановича. Тот выдержал и не отвел взгляда от больших синих, с покрасневшими от бессонной ночи белками глаз. – Неужели ты забыл жестокую брянскую смуту, случившуюся полтора десятка лет тому назад? Тогда брянцы убили князя Глеба, друга или слугу твоего батюшки, посаженного им в Брянске! Разве это случилось не по вине Москвы? А может ты забыл о мятеже в Брянске во время страшного поветрия? Нет, сомнения, что и там не обошлось без участия московских людей...

– В этих словах есть правда, – задумчиво сказал Джанибек-хан. – Я слышал об этих событиях!

– За что ты так суров, государь? – молвил, едва сдерживая слезы, Иван Московский. – Я тогда не был ни великим князем, ни московским правителем и ничего не знал об этих делах...

– Зато все твои бояре замешаны в тех бедах! – громко сказал Андрей Константинович, подняв голову и с гордостью глянув на ордынского хана. – Благодарю, государь, что ты поверил моим правдивым словам!

– Поверил? – поднял свои густые черные брови Джанибек. – Неужели? Эй, Дзаган! – крикнул вдруг он. Из темного угла вышел ханский денежник и, приблизившись к трону, склонился перед своим повелителем в низком поклоне. – Скажи-ка, Дзаган, – молвил Джанибек, – сколько серебра привез нам этот глупый Андрэ?

– Весь «выход», государь, сполна и богатые подарки, ценой в четверть «выхода», – ответил денежник.

– Ладно, – повеселел Джанибек и почесал рукой затылок, – а сколько добра доставил нам Иванэ?

– Раза в три больше, государь, – скривился в улыбке Дзаган. – И «выход», и подарки...

– Тогда иди, Дзаган, – весело сказал Джанибек, обратив взор на русских князей. – Что ж, я вижу, что вы выполнили свои обязательства перед моей казной. Но, тем не менее, вы оба виноваты в том, что плохо управляете вверенными вам землями и устраиваете там беспорядки! За это вы должны заплатить в мою казну пеню! Ты, Иванэ, должен внести три тысячи моих серебряных денег! Это – за жалобы на тебя...

– Так ведь жалоба была только от одного глупца Андрея! – вскричал, перебивая хана, князь Иван.

– Не только от Андрэ, бестолковый коназ! – поднял руку ордынский хан. – На тебя жаловался также Иванэ из Стэрэдубэ! Он недавно получил у меня ярлык на свой город...

– Иван Стародубский? – поднял свои красивые тонкие брови Иван Иванович. – Вот тебе, каков друг и слуга моего батюшки!

– Неужели ты думаешь, что мы такие дурачки, чтобы напрасно ходить с жалобами к самому государю? – усмехнулся князь Андрей, радуясь горю своего недруга.

– Ты зря перебил меня, Иванэ, – кивнул головой Джанибек. – Это – признак твоей грусти! За это я прибавляю тебе еще тысячу монет! Теперь ты должен мне четыре тысячи денег! Понял?

– Да, государь, – грустно промолвил князь Иван, склонив голову. Он понял, что лучше смириться с тем, что есть, чтобы совсем не разориться.

– Я подтверждаю твое право, Андрэ, на те города, которые я пожаловал твоему батюшке! – продолжил свою речь хан. – Это: Новэгэрэ, Суждалэ и Гэрэ-бузург. За такие богатые города ты должен внести в мою казну две тысячи серебряных денег! И ты получишь ярлык на владение городами только после уплаты назначеннной суммы!

– Вот какая беда! – подумал князь Андрей. – Дорого придется заплатить за отцовские города – Нижний, Сузdal и Городец! Какой же я глупец, что приехал с жалобой на молодого князя Ивана! Наказал и его, и себя!

Однако вслух он сказал: – Благодарю тебя, славный и могучий государь! Я принимаю твои слова, как великую милость! Будь же ты жив, невредим и здоров, наше золотое солнце!

– Ну, а теперь идите, мои верные рабы, и не забудьте доставить сюда нужное серебро! – расплылся в широкой улыбке Джанибек-хан.

Выйдя из ханского дворца на воздух, оба князя посмотрели друг другу в глаза и засмеялись.

– Вот как идти к царю с жалобами, брат! – сказал Иван Иванович. – Сам себя и наказал!

– Ох, зле зла татарская честь! – буркнул князь Андрей и вздрогнул от страха. – Неужели донесет? – мелькнула мысль.

– Не бойся, Андрей Василич, – склонил примирительно голову князь Иван, – я не пойду доносить на тебя! Неужели я не понимаю, что сам же от этого пострадаю? Зачем намссориться? Вот если бы ты не ходил к царю со своими оговорами, твоя грамота на вотчины была бы куда дешевле. Эх, ты...

И князья разошлись по своим юртам, довольные хоть тем, что поняли нелепость своей вражды и сделали шаг к примирению.

ГЛАВА 7 БРЯНСКАЯ СМУТА

В один по-зимнему холодный ноябрьский день 1355 года Брянск напоминал кипящий котел. По Большой Княжей дороге проносились телеги с купеческим добром: не успев наторговаться, богатые люди Смоленска, Тарусы, Великого Новгорода и других славных городов, приехавшие за брянскими мехами, спасались бегством.

Вслед за одним бунтом, который князю едва удалось подавить, вспыхнул новый взрыв народного недовольства.

В прошлом году, когда князь Василий расправился с нарушившими покой его заповедного леса злодеями, горожане взбунтовались. Однако богатые люди города – купцы и ремесленники – попытались успокоить простонародье, попросившись на прием к своему князю. Они собрались на Красной площади, выбрали из своих рядов наиболее достойных и послали их к стенам княжеского детинца.

Но князь отказался выйти «ко всякому сброду» и они, безуспешно простояв, разошлись по городу, сея среди горожан смуту и неурядицы.

Наконец, недальновидность князя и «крамольные слова» мятежников привели к массовым беспорядкам. Собравшись в большую толпу, горожане напали на купеческие усадьбы и стали грабить не поддержавших бунт богачей. Черный дым от пожара охватил брянский посад, и князь Василий немедленно послал на подавление мятежа почти пять сотен дружинников. «Злые крамольники» не ожидали от князя таких решительных действий, поэтому при первом же столкновении с княжеским войском они разбежались. До самого вечера тушили пожар княжеские люди: и воины, и челядь. А поскольку людей не хватало, князь Василий распорядился вывести из тюрем «лютых татей», которые под конвоем прибыли на пожар и помогали бороться со стихией. На некоторое время город затих, и, казалось, князю удалось навести долгожданный порядок. Напрасно бояре пытались убедить князя «не злить без надобности чернь и не верить во временную тишину»! Они напоминали князю Василию о событиях недалекого прошлого, когда брянцы не только отчаянно сражались с отборными дружицами покойного князя Дмитрия, но даже лишили жизни в городе самого князя Глеба Святославовича!

– Тогда у мятежников было больше сил, – сказал на это князь. – Это же случилось до поветрия! А во время «черной смерти» вымерло полгорода. Большинство – чернь! Теперь пусть хоть весь город восстанет! У меня достаточно воинов, чтобы справиться с крамолой!

Горячность и жестокость князя Василия беспокоили епископа Нафанаила. – Опомнись, сын мой, – говорил он, пытаясь увещевать князя, – никакая сила не устоит против целого города!

– Не волнуйся, святой отец! – отвечал на это с веселой улыбкой князь. Хорошо – Все мы видели, как злодеи разбежались! А теперь устроим праведный суд и жестоко покараем всех, крамольников, задержанных во время беспорядков!

Узнав о желании князя «устроить праведный суд», бояре откровенно перепугались. Князь, к тому же, перестал созывать боярские советы и действовал самолично. Получив сведения от наушников о том, что бояре втайне от него устраивают сборища, он, не пожелав проявить доброй воли и собрать брянскую знать, чтобы выяснить причины их недовольства и помириться, лишь озлобился и стал думать, как от них избавиться. – Отослать бы их всех в отдаленные городки, а сюда бы призвать только преданных мне смолян, – размышлял он про себя. Несмотря на то, что эту сокровенную мысль князь никому не высказывал, брянские бояре все-таки почувствовали возникшую для них угрозу. Они, собравшись все вместе, пошли на совет к брянскому епископу Нафанаилу. Тот, выслушав обеспокоенную знать, пообещал поговорить с князем. Но последний, убаюканный легкой прошлогодней победой над бунтовщи-

ками, требовавшими «княжеского слова» и «серебра вдовам убитых охотников», согласился лишь с одним – перенести суд над сидящими в темнице мятежниками лишь на более поздний срок.

Бояре, узнав об отсрочке суда, несколько успокоились. – Вот уедет князь летом в Орду, может там и образумится! – рассудили они.

И в этот раз князь Василий недолго пребывал в Сарае. Ему снова удалось застать хана Джанибека, побывать у него на приеме и, добившись похвалы хана за своевременную доставку серебра, мехов и прочих подарков, отбыть назад в Брянск.

Правда, хан задал брянскому князю один неприятный вопрос о недавнем мятеже и тем самым дал понять своему даннику, что он хорошо осведомлен о событиях в Брянском уделе. Князь Василий тогда ответил, что жестоко покарал «воров, которые посягнули на его заповедный лес, а потом разогнал их родичей, пытавшихся устроить беспорядки». – Сейчас я готовлю праведный суд над остальными мятежниками! – добавил он.

– Если подавил крамолу, тогда сразу же казни всех злодеев! – сказал ему хан с усмешкой. – А если с этим делом затянул, тогда жди большей смуты! Ты лучше возьми выкуп с родственников тех злоумышленников и сразу же отправь вырученное серебро ко мне в Сарай!

Но брянский князь не прислушался и к этим, ханским, словам. Он лишь только еще больше озлобился и решил беспощадно расправиться со всеми уцелевшими бунтовщиками. Вернувшись в Брянск, он поручил своему мечнику Сотко Злотковичу срочно готовить суд, однако тот, войдя в сговор с остальными боярами, всячески затягивал это дело. В конце концов, когда князь уже больше не хотел ждать и потребовал немедленно «собрать всех бояр и людей святой церкви», судить оказалось некого! Произошло доселе неслыханное! Тюремные стражники не пожелали исполнять свой долг и не только выпустили «злодеев» из темницы, но сами ушли с ними!

Княжеский гнев был безграничел! Он немедленно отстранил мечника Сотко Злотковича от должности и назначил на этот пост своего дружиинника – тридцатилетнего Давилу Суворовича. Тот никогда не имел дел с тюрьмами, стражниками и узниками, поэтому совершенно развалил всю работу. И остальные стражники, доселе преданные князю, но напуганные его угрозами, разбежались. Темницы опустели, и все осужденные оказались на свободе. Некоторое время в городе стояла мертвая тишина. Закрылись купеческие лавки. Опустели торговые ряды городского рынка. Князь встревожился и решил сам объезжать со своей дружиной словно бы обезлюдевший город... И вдруг, как только наступили холода, все пришло в оживление. По улицам забегали «калики переходные», мальчишки и юродивые, криками предвещавшие беду и хулившие брянского князя. Горожане собирались в темных местах в кучки и оживленно что-то обсуждали. Откуда-то пошли слухи о якобы приближающемся к городу литовском войске. Горожане открыто выражали свои симпатии великому литовскому князю Ольгерду. Однажды князь Василий, пересекая со своей конницей Красную площадь, заметил небольшую толпу, собравшуюся возле Спасского собора, и дал знак своим дружиинникам медленно проследовать туда. Увидев князя, горожане разбежались. Вдруг неожиданно, из-за храма раздался резкий крик: – Слава Роману Молодому! Стыд и позор Василию Смолянину!

Брянский князь пришпорил коня и, объехав собор, увидел стоявшего у церковной стены юродивого. Тот гrimасничал, махал руками а, увидев князя, не испугался, и снова закричал: – Вот он тут, Васька Смолянин! Он не князь, а московский слуга!

Князь Василий поскакал к дурачку. – Зачем ты говоришь такие крамольные слова?! – сурово спросил он, приблизившись. – Неужели ты совсем потерял голову, если хулишь своего князя?!

– Ты не князь, Васька! – крикнул со смехом юродивый, скорчив и без того препротивную рожу. – А наш законный князь – Роман Михалыч Молодой!

– Он же – литовец и названный сын поганого князя Ольгерда! – прохрипел князь, приходя в ярость. – Ты хвалишь чужеземного врага?!

– Ты сам враг, злобный Васька! – взвизгнул дурачок. – Слава Литве и могучему Ольгерду! Слава Роману Молодому!

– Слава, слава Роману Молодому! – понеслось по городу, и князю показалось, что зашумел, закричал весь Брянск.

– Ах ты, вор и бесстыжий разбойник! – вскричал брянский князь, выхватывая из-за пояса свой тяжелый меч и обрушивая его на голову несчастного дурачка.

– Э – эх! – только и успел выдохнуть тот, рассеченный едва не надвое, падая на сырую землю.

Конные дружины, стоявшие за спиной князя, перекрестились. – Вот какой грех! – буркнул седовласый Радята Чурилович, служивший еще князю Василию Храброму. – Теперь будет беда!

Князь повернулся своего коня и быстро поскакал к городской крепости. Дружины последовала за ним.

На следующий день, к рассвету, город был разбужен колокольным звоном. Со всех церковных колоколен гудел тревожный набат, призывающий горожан на борьбу.

На этот раз князь решился прибегнуть к боярскому совету. – Эй, Типко! – крикнул он, проснувшись от колокольного звона. Мальчик-слуга вбежал в княжескую спальню и, увидев полуголого, лежавшего рядом с ключницей Шумкой князя, опустил глаза. – Беги же, Типко, – распорядился князь, – к моему огнищанину: пущай собирает боярский совет! И позовите владельцу. А сюда пусть немедленно придет мой тиун! И давай ко мне Белько!

Постельничий Белько пулей влетел в княжескую опочивальню с ворохом одежды. Не обращая внимания на раздетую, накидывающую на себя халат Шумку, он поспешил натягивать на князя теплую, греческой ткани, рубаху…

Когда княжеский тиун, он же воевода, Борил Боятович, недавно назначенный князем на место опального Супони Борисовича, вошел в княжескую опочивальню, князь был уже одет и готов идти на боярский совет. Увидев своего тиуна, он весело сказал: – Молодец, мой славный Борил: ты пришел вовремя!

Польщенный воевода улыбнулся в ответ: князь Василий был скончан на похвалу.

– Иди, мой праведный тиун, и хорошенко осмотри нашу крепость! – приказал князь. – Из города доносится мятежный шум! Нам угрожают крамольники!

– Для нас это привычное дело, княже! – решительно молвил княжеский тиун. – В нашем городе уже давно поселилась крамола! Покричат, покричат и затихнут, а если надо, мы пресечем это зло острым мечом! – И он ударил своей правой рукой по рукояти меча.

– Ну, ладно, иди, Борил, – улыбнулся успокоившийся князь. – Побыстрей огляди наш детинец и беги на боярский совет!

– Слушаюсь, княже! – повернулся к двери воевода.

Князь вышел в простенок и медленно, не торопясь, двинулся в сторону думной светлицы.

Все бояре уже были в сборе и гудели, как рассерженные пчелы, обсуждая последние события. Князь приблизился к своему креслу и, остановившись перед ним, повернулся лицом к боярам, вставшим в знак приветствия. – Здравствуйте, славные бояре! – громко и весело сказал он.

– Здравствуй, княже! – ответили нестройным хором мрачные бояре.

– Садитесь! – бросил князь, усевшись в свое большое кресло. – Я собрал вас здесь, чтобы поговорить о городской смуте. Судя по набату, вся городская чернь воссталла против законной власти! А значит, мы должны дать отпор этим лютым крамольникам!

В это время в думную светлицу вошел брянский епископ Нафанаил. Перекрестив князя и бояр, он быстро подошел к передней скамье и уселся на свое, свободное до этого места.

— Я прошу вашего совета, как нам пресечь беспорядки! — продолжал после недолгой паузы князь. — Вы хорошо знаете город и горожан и можете подсказать, где обычно скапливаются главные мятежные силы и куда лучше послать моих воинов!

В светлице стояла мертвая тишина. Бояре настороженно смотрели перед собой и не решались говорить.

— Не бойтесь! — буркнул князь. — Я умею ценить полезные советы!

— А зачем тебе, такому мудрому князю, наш совет? — сказал вдруг хриплым голосом бывший мечник Сотко Злоткович, вставая из середины зала. — Разве ты прислушиваешься к нашим словам? Или чтишь своих думных людей? Ты уже давно не собирал боярский совет! И прогоняешь всех, кто верно и честно тебе служит! Вот и боятся тебя знатные люди, а потому и молчат! Я сам прослужил столько лет на славу князя! И теперь стал не нужен! А там и других с позором прогонишь! — Он сел, а бояре одобрительно, дружно загудели.

— Не надо обижаться, — пробормотал покрасневший от досады князь Василий. — Мы скоро разберемся, кто из бояр нам друг, а кто недоброжелатель. А сейчас в нашем городе мятеж! Какие тут споры? Мы все ходим под Богом!

— Вот что я скажу тебе, сын мой, — подал голос епископ. — Никакой беды не случилось и не надо прибегать к оружию! Дело, конечно, беспокойное, но не гибельное! Я послал своих людей во все церкви, чтобы они осмотрели колокольни, поговорили со священниками и убедили их, что нужно проповедовать мир и покой... Они постараются отговорить народ от волнений. Ну, а если не удастся успокоить людей добрыми словами, тогда подумаем о применении силы...

— А я считаю, что дело не такое простое! — молвил, вставая, сильно постаревший и сгорбившийся боярин Кручинин Миркович. — Если весь город охвачен набатом — значит, опасность велика! По всему городу бродят толпы мятежников, вооруженных кольями и железными прутьями! Из темницы вышли все воры и разбойники. Они — зачинщики беспорядков! Нам нужно ждать жестокой смуты! Конечно, наш славный владыка прав, что нужно избегать кровопролития... Но я думаю, без этого не обойдется!

— Неправда, славный Кручинин! — возразил, вставая, сидевший рядом с епископом Коротей Славкович. — Люди святой церкви уже остановили набат, а простолюдины охотно пошли в церкви, чтобы послушать Божьи слова... Есть надежда, что они успокоятся!

— К тому же, злые люди не угрожают нашему детинцу, а ходят только по городу и посаду, — поддакнул его брат Ясеня Славкович. — Зачем нам посыпать войско и еще больше озлоблять горожан?

— Как это «не посыпать войско»? — удивился князь Василий. — Это же крамола? Пусть пока без погромов и пожаров, но мятеж есть мятеж! Не хватало еще, чтобы чернь объединилась в один кулак! А может, ударим по этим злодеям прямо сейчас и разобьем их по частям, пока не поздно?

— Это неправильно, сын мой, — покачал головой епископ. — Мы и без того наделали много ошибок! Зачем было убивать того несчастного дурачка Вавилу?! Теперь не так просто успокоить толпу! Вот если бы ты, сын мой, был прав и сражался только с врагами, тогда можно было бы послать войско на мятежников... Нелегко справиться даже с жалкой толпой, если она верит в правоту своего дела!

— Удивительно слышать такие слова! — развел руки князь Василий. — Неужели чернь сама успокоится?

— Успокоится, княже, — весело сказал Юрко Брежкович. — Куда им деваться? Пошумят, покричат, а там и сядут на непотребное место!

— Именно так, именно так — пробурчали в знак согласия остальные бояре.

— Ну, если так, — умиротворенно сказал брянский князь, — тогда будем ждать...

И он распустил боярскую думу.

– Как мудр наш владыка! – сказал, спускаясь по ступеням княжеского терема, боярин Сотко Злоткович своему приятелю Борилу Мирковичу. – Надо же: утихомирили смутьянов без острого меча! А там, настанет время, и мы разом сковырнем этого злобного Василия!

– Давно пора прогнать этого вздорного князя из нашего Брянска, а на его место призвать Романа Михалыча Молодого! А лучше бы позвать самих литовцев! – ответил боярин Борил. – Наши горожане правы, брат мой! Нам надо быть подальше от Москвы! А разве этот Василий не московский прислужник?

– Да, брат, – кивнул головой Сотко Злоткович. – Пора уже нам готовить горожан к новому князю! Помоги нам, Господи! – И друзья-бояре разом перекрестились.

В самом деле, горожане, не получив жестокого отпора, довольно скоро успокоились. Уже через три дня открылись купеческие лавки, заработал рынок и, казалось, ничто не предвещало новых бед.

Но брянские бояре, возненавидевшие своего князя, знали, что «тишь и благодать», уставившиеся по зиме в городе, лишь на время оттягивают предстоящие суровые события.

ГЛАВА 8 ЛИТОВСКАЯ НАПАСТЬ

Осенью 1356 года полки великого литовского князя Ольгерда Гедиминовича шли на восток. Политика мира, во время которой литовцы пытались помешать смоленскому и брянскому князьям сотрудничать с Москвой, закончилась провалом. Ни Иван Смоленский, ни Василий Брянский, его сын, ссориться с Москвой не пожелали. Вместо этого они установили с молодым великим московским и владимирским князем Иваном Ивановичем самые тесные связи и готовились заключить союз. Этого литовцы допустить не могли и начали войну. А перед тем в Смоленск и Брянск были засланы многочисленные лазутчики, которые не только собирали сведения о противнике, но и сами разжигали во вражеских городах страсти: распространяли среди горожан всевозможные клеветнические слухи о тамошних князьях, восхваляли Литву и великого князя Ольгерда и особенно прославляли князя Романа Молодого, которого пророчили удельным князем в Брянск.

Впереди Ольгердова войска шел разведывательный полк, который должен был выявлять вражеские войска, засады, осуществлять разведку боем и, наконец, доставлять своевременные сведения в Большой полк, возглавляемый самим Ольгердом Гедиминовичем.

Великий литовский князь ехал верхом на коне рядом со своими сыновьями – князьями Андреем и Дмитрием, расположившимися справа от него. По левую руку Ольгерда Гедиминовича ехал его брат Кейстут с сыном Витовтом, а сзади скакали на своих породистых конях видные воеводы, среди которых пребывал и князь Роман Михайлович Молодой. Последний прибыл в Литву еще в начале года, марта, сразу же после беспорядков в Брянске, и находился там вплоть до самого похода литовского войска на Смоленск. Великий князь Ольгерд, дождавшись, когда князь Роман прибудет с его гонцом в Вильно, сразу же пригласил молодого князя на беседу. – Пора собираться на войну, сын мой, – сказал ему тогда Ольгерд Гедиминович. – Наступило подходящее время! Руки Москвы связаны Нижним Новгородом, нашим союзником... В Брянске происходят беспорядки! Недавно к нам приехали брянские бояре с жалобами на своего бестолкового князя Василия! Пора нам пойти на Брянск и сбросить со «стола» этого Василия! Ты готов к занятию дедовского «стола»? Не передумал?

– Не передумал, мой государь и названный отец! – весело сказал князь Роман. – Я готов идти в поход хоть сейчас и взять в свои руки власть над брянской землей! Однако где же эти брянские бояре? Мне нужно поговорить с ними и получить полезные советы!

– Тогда хорошо, сын мой. Жди сбора войска. А теперь сходи и потолкуй с брянскими боярами. Ты был еще мал, хотя можешь их помнить. Они приходили ко мне вместе со своим славным князем Дмитрием, когда он искал убежища от своих врагов. Тогда еще был жив твой батюшка, смелый Михаил Александрыч... Он дружил с Дмитрием Брянским. Сюда приехали седовласые бояре Жирята и Супоня со своими сыновьями и внуками...

– Я помню этих бояр! – радостно воскликнул Роман Михайлович. – Мне очень хочется их увидеть!

– Ну, иди к ним, сын мой, – молвил великий князь, прощаясь. – Там узнаешь, готовы ли они оказать тебе помощь...

После небольшого отдыха князь Роман отправился на подворье, где остановились беглые брянские бояре, и встретился с ними.

Он сразу же узнал седобородых Жиряту Михайловича и Супоню Борисовича. – Мы так рады тебя видеть! – сказали они, низко, поясно, кланяясь Роману Молодому. – Нас прислали сюда брянские бояре, чтобы мы передали волю брянской знати и поддержали тебя!

Они познакомили князя со своими детьми и внуками, приехавшими с ними в Литву. Жирята представил своего сына Избора – тридцатилетнего красивого, широкоплечего, рос-

лого богатыря, который был на полголовы выше отца и уступал ростом только князю Роману, а затем и внука Влада, четырнадцатилетнего румяного молодца, еще не догнавшего ростом своего отца, но судя по виду, обещавшего это.

Супоня Борисович познакомил князя Романа со своим сыном Будимиром, двадцати восьмилетним голубоглазым молодцем, точной копией своего отца, и внуком Иваном, который, несмотря на тринадцатилетний возраст, уже догнал ростом отца и деда и, казалось, стеснялся своей могучести и отроческой неуклюжести.

Все они низко поклонились князю, а тот, в свою очередь, приветливо кивнул им головой.

Пройдя в светлицу и усадив князя в кресло, бояре и их отпрыски расположились напротив него на двух длинных параллельных скамьях. Самые старшие – бояре Жирята и Супоня – подробно рассказали Роману Михайловичу о своей жизни в Брянске, об опале и ссылке на окраины удела, о нетерпимом поведении брянского князя Василия, о массовом недовольстве им бояр, купцов и простых горожан. – Вот мы и пришли сюда к великому князю Ольгерду, чтобы повидать тебя, славный князь, и пригласить к нам в Брянск! – весело сказал Жирята Михайлович. – Сейчас в Брянске царит смута и стоит только тебе там объявиться, мы все – от самого старого боярина до последнего холопа – перейдем на твою сторону! И прогоним того злобного князя Василия!

– Откуда же вы узнали, что я сейчас здесь, у славного Ольгерда? – усмехнулся князь Роман, погладив левой рукой свою русую бородку. – Неужели вы знаете о моей дружбе с великим князем?

– Знаем, княже, – вздохнул Супоня Борисович. – Мы давно общаемся с литовскими людьми. Известно, что великий князь Ольгерд имеет своих соглядатаев в Брянске, как и в других городах. Те беспрепятственно ходят по городу и прилюдно расхваливают тебя. А все бояре, княжеские воины и стражка знают об этом, но князю ничего не сообщают. Мало того, если приставы или стражники схватят лазутчиков, наши люди выслушают их и тут же выпускают на свободу, как друзей…

– Удивительно! – покачал головой князь Роман. – Неужели горожане готовы принять меня?!

– Мы готовы, княже, – встали со своих скамей бояре и их наследники, – за тебя в огонь и воду до самой кончины!

И вот теперь брянские бояре со своими отпрысками и челядью ехали вместе с войском Ольгерда Гедиминовича на Смоленск.

Князь Роман, покачиваясь в седле, вспоминал ту встречу и улыбался, глядя в спину великого литовского князя. Неожиданно тот обернулся и показал всем рукой, что следует остановиться: к нему приближался скачущий во весь опор всадник. Вот он сбавил ход, поравнялся с литовскими князьями, спешился и, держа коня за узды, подошел к Ольгерду Литовскому. – Здравствуй, великий князь и могучий король! – сказал он на хорошем литовском языке, поясно кланяясь. Знатные литовцы молча оглядели всадника с ног до головы. Рослый, широкоплечий, с большой русой бородой, голубоглазый мужчина, был одет в добротный коричневый литовский кафтан с куньим воротником, мягкие татарские штаны серого цвета, втиснутые в длинные, до самых колен, желтоватого цвета сапоги, вероятно, из выделанной козьей кожи. Он стоял перед ними с обнаженной головой, с которой только что снял теплую, напоминавшую татарский треух шапку, и держал ее в левой руке. С виду ему было немногим больше тридцати лет.

– Кто ты и зачем сюда прибыл? – спросил, не сводя глаз с незнакомца, великий князь Ольгерд.

– Я боярский киличей, славный государь! – ответил посланец приятным басовитым голосом. – И прислан к тебе из Брянска, чтобы сообщить важные сведения.

– Как твое имя? – вопросил Ольгерд, все еще сохраняя подозрительность.

— Я — Белюта Соткович, сын бывшего княжеского мечника! — ответил незнакомец. — Мой батюшка снарядил меня в путь по просьбе всех брянских бояр, чтобы я успел рассказать о наших бедах и опасности, угрожающей тебе! Я скакал налегке, без боевого снаряжения, чтобы не опоздать!

Тут только Ольгерд и его спутники увидели, что брянский посланец имел лишь один меч, небрежно пристегнутый к широкому кожаному поясу.

— Да, вижу, — пробормотал великий князь. — Ты так спешил, что даже не надел боевых доспехов. Тогда было бы трудней добираться... Ну, что ж, говори, что там у вас в Брянске приключилось?

— Там, государь, произошло следующее, — начал Белюта Соткович и подробно рассказал о случившемся. Оказывается, брянский князь Василий получил из Смоленска известие о том, что на удел его отца идет литовское войско и принял решение оказать помощь Смоленску. По приказу князя Василия его бояре в течение двух дней собирали около полутора тысяч воинов — тысячу дружиинников и пятьсот ополченцев. Рать возглавил сын брянского князя — двадцатичетырехлетний Иван Васильевич, а сам князь остался в городе, поскольку ожидались беспорядки, и он, имея всего две сотни дружиинников, рассчитывал «сам навести порядок». Воины плохо знали молодого князя Ивана, ибо он за все время правления отца был не у дел: лишь ездил на охоту да искал только одни развлечения. Правда, брянский князь возил его с собой на ратные сборы и кое-чему научил, но воинского опыта и, что самое главное, уважения со стороны дружиинников, ему не обеспечил... Войско этого, незакаленного в боях князя, шло медленно и спокойно, надеясь, что литовцы не успеют до них подойти к Смоленску. — Смоленский гонец говорил, что твое войско, государь, только готовится в поход и поэтому можно не спешить, — подвел итог своей речи брянский посланец. — Тогда я поскакал к тебе другой дорогой, имея двух лошадей, чтобы предупредить тебя. Иди, государь, на брянские полки и разбей молодого князя Ивана! Нельзя допустить, чтобы он соединился со смоленским войском... А потом ты можешь без труда занять Брянск! Как только твои воины подойдут к городу, мы сразу же поднимем мятеж, прогоним ненавистного князя Василия и примем к себе Романа Михаила Молодого!

— Что ж, славный брянский человек, — задумчиво сказал, выслушав посланца, Ольгерд, — если ты сказал правду, я отблагодарю тебя щедрой наградой! А пока иди в мой обоз и жди моего решения! А мы сейчас обсудим твои сведения!

И великий литовский князь, окруженный конными родственниками и воеводами, так и не слезая с коня, завел с ними разговор. Совещание было недолгим. После нескольких слов Ольгерда Гедиминовича знатные литовцы пришли к единому решению, и войско вновь двинулось в сторону Смоленска.

— Сначала мы осмотрим город и напугаем старого князя Ивана, — молвил великий литовский князь, давая знак продолжать путь, — а потом пойдем на Брянск!

Так они шли целый день и лишь, когда стемнело, сделали привал.

На другой день, едва только рассвело, войско, приняв пищу, вновь проследовало намеченным путем.

Уже к полудню до литовцев дошел запах гари, который с каждой верстой все усиливался.

— До Смоленска уже недалеко, — подумал ехавший в прежнем порядке князь Роман Молодой. — Неужели они взяли этот сильный город?

Но его сомнения были рассеяны, как только перед глазами литовских воинов предстал в лучах едва пробивавшегося через густые черные тучи солнца прекрасный город, стоявший на холме. Клубы дыма закрывали от глаз часть крепостной стены: горели окрестные деревни и городской посад, а в дыму кружили литовские всадники. Великий князь Ольгерд поднял руку, и войско остановилось. — Нечего залезать в густой дым! — сказал он. — Подождем здесь и послушаем наших людей!

Тут же к Ольгерду подскакал литовский воевода, приведший еще раньше свой передовой полк к Смоленску. – Государь! – громко как бы отчеканил он, не слезая с коня. – Мы сожгли все пригороды и купеческий посад! И я посыпал, согласно твоему приказу, человека к Ивану Смоленскому с требованием открыть ворота города перед нашим войском...

– Ну, так что же Иван? – нетерпеливо перебил его Ольгерд. – Неужели согласился?

– Нет, он выслушал моего посланца, но отказался открыть ворота! – пробормотал как-то разом сникший воевода. – Пообещал прекратить дружбу с Москвой, но не согласился заключить с нами военный союз: боится татар!

– Ладно, – кивнул головой великий литовский князь, – пока будем довольствоваться только этим... Нам надо идти туда, – он махнул рукой на юго-восток, – на Брянск! Вот пожги здесь веси и достаточно. Сначала надо разгромить брянское войско, а там, после победы, подумаем...

И литовское войско, покорное воле Ольгерда, быстро развернулось, направляясь к другой дороге и покидая встревоженный, озадаченный Смоленск.

Литовцы шли не спеша два дня, делали по три привала в день, принимали пищу и отдыхали. Великий князь не хотел утомлять своих людей перед предстоявшей битвой. Он убедился, что смоляне не собираются выходить из города, его преследовать и, тем более, идти на соединение с брянским войском. А возможно Иван Смоленский и не знал, что к нему идет подмога из Брянска.

На третий день утром, сразу же после того, как воины приняли пищу и были уже готовы продолжить путь, в литовский лагерь вернулись посланные во время рассвета разведчики. Они доложили, что неподалеку стоит русское войско, горят костры и, по всей видимости, вражеские воины еще отдыхают.

– По коням! – вскричал Ольгерд Гедиминович, вскакивая в седло своего боевого коня. – А за нами ведите пехоту!

Литовские военачальники разбежались по своим полкам и дружинам, и вся пятитысячная литовская масса быстро, решительно пошла вперед.

Но не прошли они и часа, как увидели двигавшуюся им навстречу лавину окольчуженных брянских воинов. Также как и у литовцев, впереди неспешно шла конница, а за ней – пехота. Было ясно, что брянцы имели разведку и уже знали, что поблизости враг.

Войско возглавлял молодой князь Иван Васильевич, ехавший сразу же за Сторожевым полком, во главе Большого полка.

Князь зорко всматривался вдаль, но ничего не видел. Неожиданно он услышал крики и лязг металла. – Они столкнулись! – подумал он, и, привстав в седле, громко крикнул: – Эй, дружина, славные брянцы! Вперед! Скачите на подмогу!

И вся брянская конница, повинуясь слову молодого князя, с визгом и воплями помчалась на литовцев. – Слава Брянску! Слава брянскому князю! – понеслось над полем.

Рассчитывая напугать врага внезапной атакой и шумом, лучшие воины молодого князя Ивана врезались вслед за ратниками Сторожевого полка в передние ряды литовского войска. Литовцы, однако, не растерялись и устояли от прямого удара тяжелой брянской конницы. Некоторые из них сдвинулись на шаг и потеснили сзади стоявших. Заметив это, князь Иван крикнул: – Шибче! Шибче, брянские воины! Еще немного – и мы сокрушим нашего врага!

Вдруг откуда-то из середины литовского войска, которое из-за поднятой воинами пыли было необозримо, раздался громкий трубный гул, и кто-то выкрикнул знакомым, известным едва ли не всем брянцам, голосом: – Слава Роману Брянскому! Слава грозному Брянску! Долой Василия Смоленского!

Литовское войско неожиданно расступилось, и прямо на брянцев выскочили, окруженные конными дружиликами, двое именитых всадников, брянских бояр – Жирята Михайлович и Супоня Борисович. При виде последнего воины молодого князя Ивана остановились,

опустив мечи. – Это же наш главный воевода! – сказал брянский ветеран-дружиинник Жарко Судилич. – Мы не будем сражаться против него!

– Слава Супоне Борисычу!! – заорали во все горло старые брянские воины. – Слава Жиряте Михалычу!

– Да вы что?! – попытался вмешаться в развитие событий молодой князь Иван. – Разве они не враги?! Они же служат литовцам?!

– Здравствуйте, мои брянские сыновья и братья! – вскричал седобородый боярин Супоня. – Я рад, что вы помните обо мне!

– Вперед же, могучие воины! – прокричал растерявшийся князь Иван Васильевич. – Слава князю Василию!

Но его никто не слушал. Битва закончилась без жестоких потерь: лишь несколько всадников с обеих сторон получили легкие раны. Литовские воины, ведомые двоюродными братьями-боярами Жирятой и Супоней, без промедления подскакали к князю Ивану, отняли у него меч и потребовали спешиться.

– Я не сойду со своего коня! – заупрямился Иван Васильевич. – Уж если берете меня в плен, так пусть я буду на коне!

– Ладно! – буркнул литовский князь Дмитрий Ольгердович, подъехавший к нему. – Я не против этого! Поехали к великому князю!

И он поскакал конь-в-конь с пленным русским князем Иваном, провожая его к своему отцу.

Великий князь Ольгерд уже давно все понял. Его слуги как раз разбили лагерь и установили великолкняжеский шатер. В нем он и принял пленного отпрыска брянского князя.

Когда Ивана Васильевича ввели и поставили перед сидевшим в кресле Ольгердом Литовским, тот улыбнулся и кивнул головой в ответ на поясный поклон, сделанный вошедшим. – Садись, Иван, – сказал он по-русски, – и будь не пленником, а моим гостем!

– Благодарю, великий князь! – тихо молвил в ответ князь Иван, склонив голову. – Но на деле я, увы, твой пленник. Стыд мне и позор!

– Это ничего, Иван! – усмехнулся великий князь. – Ты еще молод, чтобы стыдиться поражений. У тебя еще все впереди, если ты не будешь идти против моей Литвы! Только мы можем угрожать тебе, ибо у нас – непобедимое войско!

Князь Иван промолчал и еще ниже склонил голову.

Вечером Ольгерд провел в своем шатре совет. Поскольку весь брянский отряд сдался на милость победителя и брянцы единодушно отреклись от своего князя Василия Ивановича, а князя Романа Молодого признали своим брянским князем, не было необходимости посыпать большое войско на Брянск.

– Пусть Роман Михалыч берет с собой тот брянский отряд, – сказал великий князь Ольгерд, – и ведет его в Брянск! Вы сами прогоните непутевого Василия, или убьете его, если будет надо. Меня же сразу известите о своем прибытии и пришлите побольше серебра на военные расходы!

После небольшого отдыха два войска разделились. Ольгерд Литовский развернул свои полки и ушел назад – разорять смоленские и московские земли – а брянцы, перешедшие на сторону Романа Молодого, двинулись на Брянск.

Князь Роман вновь назначил воеводой Супоню Борисовича, и тот с достоинством, не спеша, приступил к своим обязанностям. Предварительно в Брянск к Василию Ивановичу был отправлен гонец нового брянского князя Романа с известием о случившемся и требованием либо сдаться, либо уйти из города. Но последний не захотел даже выслушать посланника «самозваного князя». – Бросьте этого злодея в темницу! – приказал он с гневом своему мечнику Давиле Суворовичу. – И зовите сюда моего воеводу! Будем готовиться к сражению с тем Романом Литовским!

Однако в тот самый момент, когда покорный Василию Смоленскому мечник уже собирался выводить в простенок несчастного гонца, в княжескую светлицу вошли вооруженные бояре Сотко Злоткович, Борил Миркович и Коротя Славкович с целым десятком верных дружинников.

— Мы пришли за тобой, княже! — сказал громко, с достоинством, остановившись прямо напротив князя, боярин Сотко. — Сдавай же свой меч «по добру-по здорову»!

— Ах ты, вор! — вскричал, багровый как кумач, князь Василий, пытаясь выхватить меч. — Как ты осмелился поднять руку на своего господина?!

Но тут на князя, по знаку бояр, кинулись брянские дружины, отняв у него меч и крепко схватив его за руки.

— Ты сам — вор, князь Василий! — громко сказал Коротя Славкович. — А наш истинный князь теперь — Роман Михалыч Молодой! Пока же посиди в темнице, а там — увидим!

— Ах, злодеи-крамольники! — вскипал князь, но вдруг зашатался и схватился за сердце. — Ах, какая сильная боль! — простонал он.

Но дружины, не обращая внимания на его стоны, повели страдавшего, едва передвигавшего ноги князя, в ближайшую темницу, где его уже ждали радостные, вернувшиеся из бегов и жаждавшие мести за свои обиды стражники.

На следующий день князь Роман Молодой входил в Брянск под малиновый звон всех колоколов. У входа в детинец по обеим сторонам дороги столпились многочисленные горожане. — Слава князю Роману! — кричали из толпы. — Здоровья Роману Михалычу!

Возле крепостного моста стояли, перешедшие через ров, все брянские бояре. Даже престарелые и больные пришли сюда встретить своего князя. Лишь епископ Нафанаил не вышел на люди и остался ждать князя в думной светлице княжеского «охочего» терема.

Боярин Кручинин Миркович держал в руках серебряный поднос с хлебом-солью, а его брат Борил — золотой поднос с золотыми же кувшином и кубком.

— Мы долго ждали тебя, пресветлый князь! — сказал боярин Кручинин, протягивая спешившемуся князю поднос. — Все глаза проглядели! Благодарим тебя за то, что уберег всех наших воинов и принял наше приглашение на брянский «стол»!

— Я благодарю вас, — ответил князь, отламывая от хлебного каравая кусок и погружая его в соль, — и желаю счастья славному Брянску! — Он прожевал хлеб, взял с другого подноса кубок с греческим вином и сказал: — Пью за славу этого города и брянских людей! Пусть же здоровье и богатство придут в этот многострадальный Брянск, и сам Господь станет вашим защитником! Слава Брянску! Слава брянскому люду!

— Слава! — подхватили горожане. — Слава князю Роману Михалычу!

На следующее утро князь Роман Молодой выпустил из города незадачливого Василия Ивановича с двумя десятками его дружины, сохранивших верность изгнанинику.

Князь Василий, не пожелавший разговаривать с новым хозяином Брянска, сидел в телеге: у него болела грудь. С трудом сдерживая стоны, он молча подал знак своим людям выехать по Большой Княжей дороге в сторону Смоленска.

Только когда его небольшой отряд ушел далеко, и Брянск исчез из виду, князь Василий обрел дар речи и громко приказал: — Поворачивайте-ка, мои люди, на ордынскую дорогу! Поедем в Сарай, к самому царю!

А когда кто-то возразил, что «уже холодно и грядет зима», он, забыв о боли в груди, резко крикнул: — Что нам зима?! У меня и без того стоит зима во всем теле! Нам хватит припасов на десяток дней, а может, и больше! Доберемся до Орды, найдем там правду, а тогда нам не будут страшны ни голод, ни холод! Поехали!

ГЛАВА 9 ГНЕВ МОСКОВСКИХ БОЯР

Великий московский и владимирский князь Иван Иванович сидел в своем кресле в думной палате, обхватив обеими руками голову. Было о чем задуматься! Стольких трудов стоила дружба со Смоленском и Брянском, вот уже, казалось, готовится военный союз. И – на тебе! Хитроумный Ольгерд Литовский одним ударом разрушил все планы Москвы! Мало того, что он запугал своим походом престарелого Ивана Смоленского, добившись от него прежних отношений и оттолкнув от Москвы, так он даже захватил Брянск, изгнав оттуда Василия Ивановича и посадив своего ставленника – Романа Молодого! В довершении ко всему, разведывательные отряды Ольgerда неожиданно, почти без боя, заняли московский городок Ржев как раз в то время, когда сам великий литовский князь вел войско навстречу брянской рати молодого князя Ивана Васильевича. В Ржеве сел воеводой литовский служилый князь Иван Сижский. Успехи литовцев способствовали ослаблению влияния Москвы в восточной Руси. И многие удельные князья перестали считаться с молодым великим князем Иваном Ивановичем.

Князь Иван Федорович Стародубский опять пошел в Орду выкупать ярлык за свой удел, не побывав предварительно в Москве! Таким же образом вновь поступил наследник умершего нижегородского и суздальского князя Константина Васильевича, его сын Андрей. Он тоже отправился с богатыми дарами к хану Джанибеку, минуя Москву, и добился ярлыка на отцовские земли с городами Нижним Новгородом, Суздалем и Городцом. Видя их безнаказанность, и «прочие удельные князья» сами повезли дань в Сарай, выпрашивая у ордынского хана ярлыки на свои земли.

Не радовали Ивана Ивановича и церковные дела. Продолжалась борьба вернувшегося из Византии митрополита Алексия со ставленником Литвы митрополитом Романом. Лишь Великий Новгород безоговорочно встал на сторону Москвы, не приняв литовского митрополита... Неожиданно унесла смерть верного сторонника Москвы епископа Иоанна Ростовского. На его место святитель Алексий назначил отца Игнатия. Затем произошли последовательные смены епископов в целом ряде других городов. Митрополит Алексий едва успевал с «поставлениями». В Рязани им был утвержден епископ Василий, в Смоленске – Феофилакт, в Сарае – Иоанн.

Но особенно тяжело переживала Москва внутренние неурядицы. В последний месяц 1356 года, 3 февраля, когда прозвонили заутреню, и москвицы стали медленно заполнять пустынные улицы, устремляясь на городские рынки, в самом центре Москвы, посредине пустынной площади, был обнаружен труп московского тысяцкого Алексея Петровича Босоволкова-Хвоста. Случившееся возмутило горожан. Ведь тысяцкий играл очень важную роль в жизни Москвы: защищал интересы простых москвичей перед лицом князя и боярством, или, как говорили тогда, «судил по правде».

Было время, когда тысяцких выбирали «всем миром». Московские князья вынуждены были тогда считаться с ними и, в какой-то мере, «делиться властью», уважая интересы горожан. Многих сил стоило князьям добиться назначения московского тысяцкого своей волей, на это ушли долгие годы! Наконец, цель была достигнута и, казалось, тысяцкий стал верным слугой московского князя, одним из стержней зарождавшейся московской чиновничьей «лествицы». Однако не все было так просто. Назначаемые тысяцкие помнили прежнюю славу своей должности и не всегда проявляли покорность московскому князю. Когда же семья Вельяминовых добилась наследственного права на должность тысяцкого, второго человека, после великого князя, в Москве, многие бояре испугались двоевластия и возможных беспорядков. Особенно усилились Вельяминовы, когда князь Иван Иванович унаследовал от рано умершего брата

Московское княжество. Его вторая супруга Александра из рода Вельяминовых, дочь тысяцкого Василия, стала великой княгиней!

Такое возвышение Вельяминовых, их чванливость и заносчивость по отношению к остальным боярам вызвали зависть, злобу и, наконец, откровенную вражду сначала у московской знати, а затем и у подученной боярами черни. В конечном счете, чувство опасности охватило и великокняжескую семью. По совету бояр и высшего духовного лица Москвы митрополита Алексия, великий князь Иван Московский был вынужден отменить своим указом наследственное право Вельяминовых и назначить на должность тысяцкого боярина Алексея Босоволкова, представителя другого, соперничавшего с Вельяминовыми рода. Такое решение князя Ивана Красивого далось ему нелегко: пришлось обидеть родственников своей жены!

Алексей Босоволков, став тысяцким, довольно скоро добился в Москве «превеликой славы». Он часто выезжал в самые отдаленные уголки города, оказывал определенную помощь «больным и сирым», отбросив напрочь «вельяминовскую спесь», не гнушался бесед и встреч с простонародьем, «судил по чести и правде». Его неожиданная смерть едва не привела к городскому бунту. Подстрекаемая семьей Босоволковых толпа сразу же обвинила во всем семью Вельяминовых и в пылу ярости бросилась громить их усадьбы.

Но верные бояре великого князя Ивана, пребывавшего в это время в Орде, помешали действиям черни. Своевременно послав на защиту родственников великокняжеской жены большой отряд дружиныхников, они защитил имущество и жизнь Вельяминовых. Не без их участия сам Василий Вельяминов с тестем бежали из Москвы, найдя укрытие в Рязани у великого князя Олега Ивановича. Вслед за ними туда же ушли и многие другие знатнейшие московские бояре, напуганные мятежом черни. А оставшиеся влиятельные бояре и духовенство были вынуждены выйти на Красную площадь, чтобы успокоить толпу. Бояре много говорили и обещали, что «когда великий князь вернется, будет проведен тщательный сыск и убийца ответит за преступление». А выступившие после них священники красноречиво посуллили «сделать все по правде и воле Господней» и попросили толпу «успокоиться и не гневить Бога». После этого на площадь выкатили бочонки «с хмельными медами и пенным пивом», прикатили телеги «со снедью и закусками», и мятеж сам по себе прекратился.

В это же время митрополит Алексий пребывал во Владимире, где выступал судьей в споре великого тверского князя Василия Михайловича с племянником Всеволодом Александровичем Холмским за обладание Тверью. С большим старанием митрополит пытался примирить князей и убедить князя Всеволода признать старшинство его дяди. Но племянник упорно возражал и выставлял великому князю Василию ответные неприемлемые требования: отдать ему во владение часть великокняжеского удела. Закончилось все лишь благими пожеланиями, и каждый из князей уехал домой, оставшись при своем мнении.

С возвращением митрополита, а затем и великого князя, в Москве восстановился порядок. Они вместе с боярами приступили к самому важному за последнее время делу, которого требовали москвичи – расследованию обстоятельств убийства тысяцкого Босоволкова – а для этого собрали боярский совет. Но совет, на который возлагались многие надежды, с первых же боярских выступлений вылился в ожесточенный спор соперничавших друг с другом знатных семей. Ввиду того, что Вельяминовы и их главные сторонники бежали, бояр Босоволковых поддержало большинство. Даже самые почтенные бояре – Феофан и Матвей Бяконтовы – выступили против Вельяминовых, считая их вдохновителями убийства тысяцкого Алексея Петровича.

– Совсем забыли о высшей власти! – возмущался Феофан Бяконтов. – Только Вельяминовы могли хотеть смерти несчастного Алексея!

– Надо бы сурово наказать весь их род за жестокость и насилие! – вскричал Матвей Бяконтов.

– Почему они сбежали в Рязань?! – пробасил боярин Дмитрий Зерно. – Если бы были правы, то не прятались бы от людского и княжеского суда!

– Надо бы послать людей, княже, в Рязань! – буркнул раздраженный спором боярин Симеон Михайлович. – Пусть Олег Иваныч выдаст на расправу Василия Вельяминова!

– Пусть выдаст! Пусть выдаст! – закричали многие бояре, заглушив протест своих соперников. – Этого Василия нужно судить! А все его имущество и пожитки – забрать в казну!

Такое решение никак не устраивало великого князя Ивана Ивановича. Вот и сидел он в грустной задумчивости, пытаясь закрыться обеими руками от шума многих голосов разъяренных бояр. – Зачем я созвал этот беспокойный сонм? – лихорадочно думал великий князь. Перед его глазами проходили картины из прошлой жизни. Вспомнился отец, князь Иван Данилович, старший брат Симеон. – Как тяжела великокняжеская шапка! – мелькнула мысль. – Как мне все это надоело! Может, бросить все и уйти в чернцы, в Божий монастырь?

Его мысли вдруг прервал голос митрополита Алексия, сидевшего рядом с князем в большом, обитом красным византийским бархатом кресле. – Зачем вы устроили этот спор, славные бояре? – сказал митрополит, глядя на Феофана Бяконтова. – Неужели вы не знаете, что убийцу до сих пор не поймали? Конечно, всем известно, что Василий Вельяминов был соперником несчастного Алексея! Однако никаких доказательств его вины нет! Одни догадки! Но разве можно судить почтенного человека, боярина, только по догадкам? Эдак мы осудим без доказательств половину Москвы и загубим боярскую честь! Сегодня мы покараем Вельяминова, а завтра – кого еще? Это не дело!

– Правда, правда! – одобрительно загудели бояре, успокаиваясь.

– А значит, нам нужно посмотреть, подумать и подождать, – продолжал митрополит. – Господь все видит и знает... Может и будет какое-нибудь знамение. Наберитесь терпения! И нечего раздражать самих себя в поисках врагов среди уважаемых людей. А вдруг убийцы пришли из чужой земли? Вы забыли о литовской угрозе? Вот уже и Брянск в руках хитрого Ольгерда! Но Господь нас не покинет...

Митрополит замолчал и задумался.

– Это так, – пробормотал с передней скамьи боярин Андрей Акинфов. – Нам нужно искать врага не в нашей славной Москве! Не исключено, что убийца был прислан самим Ольгердом?

– Это вполне возможно, – поддакнул Дмитрий Афинеев. – Литовцы любят устраивать в чужих землях беспорядки! Однако у меня появилась одна мысль! Ведь Ольгерд только что завладел Брянском! Разве не в этом весь корень зла? Ведь Роман Молодой – литовский ставленник! А может, убийца боярина Алексея прибыл из Брянска?!

– Из Брянска, из Брянска! – дружно прогудели бояре.

– Я помню, как во время Дмитрия Красивого из Брянска прибыл посланец, – неожиданно молвил, вставая со второй от князя скамьи, боярин Матвей Бяконтов, – и обвинил великого князя Семена в преступлениях людей Алексея Босоволкова! Неужели вы не помните? Он тогда притащил с собой в качестве доказательства мертвую, протухшую голову!

– Помним! Помним! – прокричали бояре.

– Так вот, братья, – продолжал боярин Матвей, – это и есть брянская месть нашему покойному тысячекому! А при Дмитрии они притаились... Дмитрий Брянский был тих и осторожен... А вот, когда сбросили Василия Смоленского и посадили Романа Литовского, они разом осмелели!

– А может, это была месть брянских купцов за того жалкого Мордата?! – вдруг громко сказал Дмитрий Зерно. – Разве вы не помните того купца, который вымогил у брянского князя пощаду дебрей своей дочери и приехал жить в Москву?

– А, так это тот самый купец Мордас, который привез в свое время покойному Ивану Данилычу ценную грамотку! – кивнул головой седобородый Феофан Бяконтов. – Он долго не прожил в Москве: его вскоре зарезали, прилюдно, на рынке!

– Вот я об этом и говорю, – улыбнулся Дмитрий Зерно. – Тогда ходили слухи, что того купца Мордата зарезали люди нашего несчастного Алексея Петровича!

– Это – бесстыжая ложь! – вскричал, вскочив с последней скамьи, сын убитого тысяцкого Василий, приехавший из Переяславля, где он был воеводой, как раз на боярский совет. – Зачем поднимать злые слухи?! Это – грех перед памятью моего праведного батюшки!

– А здесь были брянские купцы или посланцы? – поднял голову великий князь Иван. Мысль о вине брянских людей ему понравилась.

– Были, великий князь, – пробормотал, не вставая, Матвей Бяконтов, – и брянские купцы, и посланники со свитой. Нет сомнения, что это они виновны в убийстве славного боярина!

– Так ведь те люди приходили от князя Василия Брянского или Смоленского! – возразил Симеон Михайлович. – А тот Василий был нашим другом и присыпал к нам людей с добрыми словами...

– Да, вы сказали много жестоких слов о Брянске..., – с горечью сказал Иван Московский. Но тут перед его глазами вдруг встали образ красавца Дмитрия Брянского, первого тестя, милое лицико покойной любимой супруги Феодосии, дочери этого князя, и слезы неудержимым потоком потекли по его щекам. С огромным трудом он преодолел охватившее его волнение и, махнув рукой, с усилием произнес: – Надо жестоко наказать этого Романа Молодого и послать большое войско на беспокойный Брянск!

– Не спеши, сын мой! – молвил, подводя итог совету бояр, митрополит Алексий. Его властный, но вместе с тем спокойный, «бархатный» голос, вновь установил полную тишину. – Я еще не рассказал о последних новостях, а также о Брянске. Недавно ко мне приходили церковные люди из Орды, от сарайского владыки Ивана... Они видели Василия Брянского в Сарае! Он ходил на прием к самому царю Джанибеку! И татарский царь приказал дать ему огромное войско, чтобы вернуть законный брянский «стол»! Вот вам и готовое решение! Скоро этот Василий вернется в Брянск, и тогда мы попытаемся узнать, кто же все-таки убил раба Божия Алексея... Да поможет нам Господь!

– Слава тебе, Господи! – улыбнулся великий князь Иван. – Да будет так! Помоги нам, Боже!

ГЛАВА 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ

Князь Василий сидел на телеге, окруженный конными воинами, и вглядывался вдаль: вот уже прошли окраины Брянского удела, а на пути не встретили ни одного человека! Все как будто знали, что он ведет с собой татарское войско! Вот проехали недостроенную крепость, поставленную на месте сожженного когда-то татарами Севска, сделали привал, а летучий татарский отряд наведался в некогда богатое княжеское поместье Асовицу, но, увы, и там было пусто! Не осталось даже крестьянских изб...

— Они знают о татарах, — подумал Василий Иванович. — Видимо, впереди нас ждет вражеское войско. Надо готовиться к сражению! — И он, вытянув ноги, откинулся на спину, погрузившись в воспоминания.

Прошлой осенью князь совершил долгое, тяжелое путешествие в Орду: из-за болей в спине и груди он был вынужден, как и теперь, ехать, словно стариk, в телеге.

В Сарай он прибыл тяжело больным. Князь и его спутники изголодались в дальней дороге: имевшихся у них припасов хватило только на то, чтобы не умереть с голоду. Однако выжили не все, а в Сарае их никто не ждал. Голодный, трясущийся от холода, князь Василий был вынужден пойти к сарайскому епископу Иоанну. Последний накормил беглеца и дал ему в долг сотню серебряных ханских монет. Благодаря этой помощи, изгнаник сумел нанять гостевую юрту для себя и челяди и оплатить проживание своих дружиинников в караван-сарае.

Двое суток отсиживались князь и его воины в своем временном жилье, отдыхая после тяжелого пути и отъедаясь недорогим татарским пловом от недавнего голодания, а уже на третий день князь Василий со своим, оставшимся ему верным до конца боярином Борилем, его воеводой без войска, отправился в ханский дворец.

Но стража, бдительно охранявшая вход во дворец, не пустила русского князя даже на порог. Три здоровенных воина с кривыми обнаженными мечами вытянули свое грозное оружие перед собой, сказав только одно слово — «аман»!

— Почему «аман» или «смерть»? — подумал брянский изгнаник и с грустью вспомнил боярина Кручину Мирковича, который без особых усилий добивался ханского приема для своего князя. — Куда же мне теперь деваться? Может сходить в святую церковь и поговорить с владыкой Иваном?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.